

Винья Дельмар

ПЛОХАЯ ДЕВЧОНКА

РОМАН О ЛЮБВИ,
ВЫБОРЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Фильм на основе этого романа получил
3 номинации на премию «Оскар» и выиграл
2 золотые статуэтки (1932 год)

Винья Дельмар

Плохая девчонка

«Автор»

2026

Дельмар В.

Плохая девчонка / В. Дельмар — «Автор», 2026

Нью-Йорк, 1920-е годы. Дот Хейли — простая девушка с рабочих окраин Гарлема — влюбляется в электромонтёра Эдди Коллинза. Они женятся почти тайком, второпях, не успев толком узнать друг друга — а вскоре Дот понимает, что беременна. Дальше — месяцы страха, нищеты и молчания: она не знает, хочет ли Эдди ребёнка, он не решается сказать ей правду о своих чувствах, а вокруг — подруги с разными взглядами на любовь, тело и замужество, готовые советовать что угодно, только не то, что действительно нужно услышать. Роман Винья Дельмар «Bad Girl» (1928) стал одной из самых откровенных для своего времени историй о взрослении, теле и деньгах — без назидательности и недомолвок, языком нью-йоркских рабочих окраин. Экранизация 1931 года (режиссёр Фрэнк Борзейг) была номинирована на «Оскар» за лучший фильм и получила две золотые статуэтки — за лучшую режиссуру и лучший адаптированный сценарий. Почти сто лет спустя эта история совсем не кажется устаревшей — как и вопросы, которые она задаёт.

© Дельмар В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	11
ГЛАВА III	17
ГЛАВА IV	23
ГЛАВА V	28
ГЛАВА VI	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Винья Дельмар

Плохая девчонка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

«Плывем, плывем по бушующему морю, Много бурей еще будет Пока Джек снова не вернется домой».

Кто-то принёс гитару укулеле. Кто-то, кто брэнчал по струнам с весёлой фальшивостью, с радостной дерзостью, словно говорящей: «Конечно, она расстроена. Да кому какое дело?» Последний мучительный аккорд разнесся над Гудзоном, и за ним последовал фальшивый и немелодичный голос с поразительно протяжным «сно-о-ва». Взрыв высокого женского смеха завершил это гротескное представление. Знаменитый и всеми любимый экскурсионный паром «Бурма» скользил по сияющей ночи. Казалось, будто он презрительно встряхивал головой в сторону частных лодок, которые проносились мимо, словно маленькие изящные птицы. Это были снобы, предлагавшие серебряную реку и сияющую, ароматную ночь небольшой, избранной компании. «Бурма» была настоящей аристократкой Гудзона. Её благородство не было настолько легко размыто, чтобы она боялась прикосновения сбродной толпы. Она могла позволить себе открыть свои двери для изнывающих от жары толп и предложить им музыку, танцы и угощения, как гласили рекламные объявления. Она дарила им волшебство речной луны и романтику, причём всё это за доллар двадцать пять центов.

Пассажиры «Бурмы» танцевали и напевали отрывки из модных песен, которые были созданы, чтобы прожить один веселый час, подобно клятвам, шепчущимся в темных укромных уголках лодки. Шипящие газированные напитки, красные и золотистые, поднимались через желтые соломинки к влажным и улыбающимся губам девушек с короткими стрижками. Сигареты сверкали в темноте, а то и другое смелая девушка обнажала белые колени, вдыхая прохладный воздух. Жители нью-йоркских квартир забывали о фабриках и офисах под снисходительными законами золотой и белой «Бурмы». Эдди Коллинз стоял у перил корабля, повернувшись спиной к воде. Обе руки были засунуты в карманы, а через одну руку безжизненно свисала женская накидка --- хрупкая чёрная полоска шёлка. Он оглядывал лица смеющихся пар, проплывающих мимо него, а на его собственном лице отражалось гнев, темно кипевший внутри него.

«Плывем, плывем по бурлящему морю» --- немелодичный голос возобновил свое пение, и Коллинз повернулся к перилам и посмотрел вниз на мерцающую реку. Он был очень молод. Его волосы представляли собой песочную, растрепанную копну, ибо он презирал помады, придавшие волосам других юношей жесткую и блестящую укладку. У Коллинза были голубые глаза. Это были пронзительно-вопросительные глаза, свидетельствовавшие о остром уме, который все еще блуждал в темноте, не находя удовлетворения в себе самом. Линия его подбородка была сильной и твердой. Это был подбородок, который выдержал удары и гордо выпячивался вверх, зная, кто может их нанести. У него были большие губы. В их очертаниях проглядывала упорство. Где-то девушка хохотала до слез. Эдди Коллинз сжал челюсти, и его глаза превратились в жесткие голубые щели. Голос смеющейся девушки теперь поднялся в насмешливой мольбе. «О, Билли, ну пожалуйста. Я только-только расчесала волосы».

Еще смех. К голосу девушки присоединились другие. Эдди Коллинз презрительно сплюнул. «Чёртовы дураки», --- сказал он. С реки поднялся прохладный ветерок и, пролетая мимо,

слегка коснулся чёрной пряди, лежавшей на руке Эдди. Шаль лениво, с легким нетерпением зашевелилась и выскользнула из безразличного захвата Эдди. Она лежала на палубе «Бурмы», ароматной кучей шелка. Шаль с зеленой подкладкой от «Ланвин» (Lanvin), которая была испачкана и порвана, но все еще вызывающе оставалась зеленой в стиле этой торговой марки. Он оставил ее там на мгновение; затем, пожалев о детскости своего поступка, снова небрежно накинул его на руку.

«Много еще бушевать будет ветер...»

А теперь исполнительница на ненастроенном укулеле подходила все ближе, и Эдди слушал ее песню с ленивым интересом.

«Пока Джек снова не вернётся домой».

Она обогнула угол лодки и остановилась менее чем в трёх футах от Эдди Коллинза. Её голос был молодым и хрипловатым, а губы --- широкими и красными.

«Плывем, плывем ---». Гитара укулеле сползла ей на бок. Она засунула руку в карман своего свитера цвета пламени и достала шоколадный миндаль. Девушка постарше, высокая, худая, с невыразительным блондинистым цветом волос, прилично убранных под сетку, вышла из-за угла, словно она следовала за веселыми, быстрыми шагами на расстоянии и только что догнала их. Они обе стояли рядом, делая ставки на выносливость крышки коробки с конфетами, которая прыгала по волнам, беззаботно не подозревая о судьбе, которая вскоре настигнет её. Затем девушка с укулеле увидела Эдди, и её беззаботность на мгновение поколебалась под его угрюмым пристальным взглядом. Она обиделась на этот момент, и её глаза под пикантно прищуренными бровями подвергли сомнению его право гасить её жизнерадостность. Затем она улыбнулась. Над собой, возможно, --- ведь мгновение она стояла с застывшим на губах смехом и под злым взглядом парня с волосами цвета песка.

Её внимание привлек зелёный цвет подкладки плаща, и с радостной дерзостью она перебрала струну на своём укулеле и запела:

«Милая ушла и не сказала, куда,
Не сказала, почему, о, надеюсь, я умру!»

Эдди сосредоточил всё своё внимание на сигарете. Черт бы его побрал, если она заставит его уйти. В дальнем конце палубы голос, напоминающий запачканный зеленый цвет от «Ланвин» (Lanvin), в очередной раз умолял «Билли» не растрепать ей волосы, а укулеле продолжала: «Милая ушла».

Сигарета Эдди описала огненную дугу, падая в реку. Он зажег ещё одну, а девушка издала забавный щелкающий звук языком и сказала своему спутнику на удивление громким тоном, что просто обожает нервных мужчин. Старшая девушка по-прежнему смотрела на реку. Она совершенно не замечала Эдди, и поэтому эта фраза казалась бессмысленной. Она не ответила, и, видя молчание подруги, эта неисправимая исполнительница на укулеле повернулась к Эдди и запела:

«Ты знаешь, мне одиноко,
Тебе тоже одиноко».

Эдди заметно пожал плечами и сделал шаг навстречу девушке. В его выражении лица читалось фаталистическое смирение с её ухаживаниями. Она хотела познакомиться с ним, да и, в конце концов, обстановка не располагала к одиночеству.

«С чего ты взяла, что я одинок?» --- спросил он. Его вопрос прозвучал не мягко и любопытно, а вызывающе, в манере харлемских ухажеров. Она была опытна. Её решимость нала-

дить общение не пошатнулась от его тона. Она рассмеялась ему в лицо. Её широкий алый рот и тёмные, сияющие глаза разразились громким, задушевым смехом над Эдди Коллинзом.

«Я знала, что заставлю тебя поговорить со мной», --- сказала она.

«О, так вот в чём дело?»

«Конечно. Ты же не думал, что я хотела просто насладиться твоей компанией, правда?»

«Боже, ты же дерзкая, да?»

«Как раз в меру», --- ответила она.

Ее зубы бело сверкнули за пышными алыми губами. Ее глаза откровенно выдавали мысль, которая была так близка к ним. Она хотела, чтобы ее поцеловали. Не в тот момент, конечно, но Эдди знал, как это обычно бывает. Сначала они будут перебрасываться слегка оскорбительными шутками; затем постепенно их безыскусные фразы приобретут слегка пикантный оттенок. Значительные улыбки и взгляды сопровождали бы деградацию их болтовни. Становилось настоящей модой находить пошлые подтексты в каждом слове, произнесенном между ними. Затем она уходила с ним в темный уголок и позволяла ему целовать ее, бесцеремонно лапать. Предел? Нет, до предела она бы не дошла. Она прижалась бы к его плечу, с влажными губами, задыхаясь, но всегда начеку, чтобы не допустить, чтобы у неё отняли тот чисто физический барьер, который гарантировал её самоуважение.

О да, Эдди знал об этом, но не осознавал, что так мрачно подробно описал, как далеко можно зайти в своих домогательствах к несколько вульгарной девственности девушки из нижнего среднего класса.

«Кто с тобой?» --- спросил он.

Она небрежно указала на свою спутницу. «Эдна, подруга моего брата», --- ответила она. Старшая девушка, услышав своё имя, с любопытством посмотрела на них обоих. Покраснев от смущения из-за важности своего светского долга, девушка с укулеле сделала одностороннее представление. «Это миссис Эдна Дригтс».

Эдди прикоснулся к шляпе и сказал: «Приятно познакомиться».

Эдна не сдвинулась с места у перил. Она улыбнулась Эдди, обнажив зубы, с которыми слишком поздно обратилась к стоматологу. Наша общая знакомая испытала сильное смущение из-за молчания Эдны, но преодолела его, убедив себя, что поступила правильно.

Так рассудив, она отвернулась от миссис Эдны Дригтс и сказала Эдди: «Кто с тобой?»

Она смотрела на мыс, а Эдди нахмурился. --- Какая-то дурочка, --- ответил он. --- Подцепил её на Седьмой авеню. Она хотела покататься на яхте, так что я её взял. На яхте она встретила кого-то из знакомых и кинула меня. Он горько улыбнулся.

«Даже имени её не знал», --- добавил он.

«А как тебя зовут?»

«Дот».

«Это не имя», --- сказал он. «Это знак препинания».

Она засмеялась и шутливо слегка толкнула его, как будто они знали друг друга уже давно. Ему это не помешало. Узкие голубые щели расширились, превратившись в бледные приятные глаза. Во время воскресной прогулки одна стройная девушка с округлой грудью так же желанна, как и любая другая стройная девушка с округлой грудью, ведь все они скупы.

«Конечно, меня зовут Дороти. Дороти Хейли. А как тебя зовут?»

«Джо», --- ответил он. Таинственным и необъяснимым является стремление у очень молодых мужчин скрывать свою настоящую личность. Он не думал, что солгал; так механически и рассеянно это имя выскочило у него с губ.

«Джо», --- повторила она. Теперь она стояла рядом с ним, и её глаза, тёмные и задумчивые, смотрели на сверкающую реку. «Ты не собираешься сказать мне свою фамилию?»

«Конечно. У меня Уильямс».

«Джо Уильямс. Я когда-то знала еще одного парня по имени Джо».

У него была отличная работа на сервисной станции «Шевроле». Без обоснованного повода или вступления Эдди внезапно притянул её к себе и поцеловал. Она не была ни удивлена, ни разгневана, и он знал, что так и будет. Она ему нравилась. С ней все, что предшествовало поцелую, проходило по-другому. Она не настаивала на разговоре, изобилующем двусмысленностями. Не деликатность Эдди заставила его приветствовать эту перемену, а просто то, что он устал от прежнего. Теперь между ними не было никакого смущения. Ничто в их словах, выражении лиц или поведении не указывало на то, что они поцеловались. Эдна, подруга брата Дороти, перестала смотреть на реку и перевела взгляд на них. Её взгляд был откровенно любопытным, но не недоброжелательным.

--- Думаешь, она нас заметила? --- прошептал Эдди.

--- Мне всё равно, даже если и заметила, --- беззаботно ответила Дот. «Она не скажет моему брату. Она говорит, что за девушкой невозможно следить так пристально, чтобы она оставалась хорошей, если она сама этого не хочет».

Эдди серьезно кивнул. Ему это показалось блестящим резюме ситуации. Он с интересом оглядел Эдну. «Она выглядит довольно молодой», --- наконец решил он.

«О, нет», --- сказала Дот, слабо улыбаясь, глядя на мужскую недалёковидность. «Эдне двадцать восемь. У неё есть четырёхлетний ребёнок. Его зовут Флойд. Её муж погиб на железной дороге за два месяца до рождения ребёнка. За его смерть она получила десять тысяч долларов».

«Это замечательно для твоего брата», --- заметил Эдди. Дот коротко засмеялась, чтобы показать, что ей понравилась его шутка, и поспешила продолжить: «О, мой брат не охотится за её деньгами. Он сам получает семьдесят пять долларов в неделю. Он не позволяет мне вносить в дом ни цента. Вот такой у меня брат».

«Еще бы», --- согласился Эдди. «Где ты работаешь?»

«На Двадцать третьей улице».

«Стенографистка?»

«Нет, просто машинистка». Её ресницы, мягкие и шелковистые, затрепетали, когда она подняла тревожный взгляд на его лицо. Её глаза были умоляющими, тон --- извиняющимся, когда она сказала: «Я научиться стенографии. Мой брат хотел отправить меня в школу, но я была без ума от работы. Вы же знаете, как это бывает --- я хотела поскорее начать работать».

Он понимающе кивнул.

«А чем вы занимаетесь?» --- спросила она его.

«Радио», --- лаконично ответил он.

«Ого», --- сказала она. В её восклицании смешались восхищение и трепет. «Тяжёлая работа, да?»

«Нет», --- быстро и решительно.

«У нас есть радиоприемник. Мой брат его собрал».

«У всех есть радиоприемник», --- сказал Эдди, как будто раздавив надежду.

«Да, наверное, так и есть».

Разговор затих, и они стояли, глядя друг на друга. Через мгновение Эдди спросил: «Слушай», --- указав на укулеле, --- «ты действительно играешь на этой штуке?»

«Конечно. Иногда я играю на ней просто отлично».

«Что ты имеешь в виду, «иногда»?»

«Ну, это зависит от того, что я играю».

«Что ты можешь играть хорошо?»

«Ты знаешь песню «Дождя больше не будет»?»

Эдди кивнул. Кто же в 1923 году от Рождества Христова не знал песню «Дождя больше не будет»? «Давай, сыграй её», --- приказал он.

Дот уселась на походный табурет и начала : «Дождь больше не пойдёт, больше не пойдёт, дождь больше не пойдёт». Откуда же старики знают, что дождя больше не будет?»

В ней было что-то трогательно милое. Она так хотела угодить. Так хотела быть услужливой. Даже неискушённое ухо Эдди Коллинза скривилось при звуке тех ужасных аккордов, которые так нагло вырывались из укулеле. Она была похожа на хорошего ребёнка, танцующего для гостей. Никакого таланта, но масса желания. Её брови были сведены в задумчивом напряжении. Её глаза ни на секунду не отрывались от пальцев, которые она помещала с такой мучительной точностью не в те места. Эдди улыбнулся.

«Дождь больше не пойдёт, больше не пойдёт...»

Да и она была чертовски мила. Боже, какая нежная кожа.

«Что дождь больше не пойдёт». . .

Укулеле замолчала. Искренние глаза поднялись на Эдди от своей работы.

««Ага»», — сказал он в знак одобрения. «Поговорим».

Из-за угла лодки внезапно вышел юноша с худым лицом и гладкими волосами, одетый в белые брюки.

«Мисс Хиггинс хочет забрать свой плащ», --- сказал он Эдди.

Эдди еще глубже засунул руки в карманы. Его плечи стало чуть более округлыми. Он сказал: «Скажи мисс Хиггинс, пусть сама придет за ним».

Молодой человек с худым лицом улыбнулся. «Такие вещи даме не говорят», --- высокомерно заметил он Эдди.

«Неужели? Ну, так ты и скажи этой... как её там... чтобы она сама пришла за этим плащом».

«Возможно, ей не хочется с тобой разговаривать», --- предположил другой.

«Раньше сегодня вечером она не против была», --- сказал Эдди. Его глаза снова сузились. Когда он говорил, его рот был искривлённой линией.

«Что ты имеешь в виду?» Парень с гладкими волосами быстро реагировал на намек Эдди.

Дот нервно грызла ногти. Однажды она видела, как бледнолицый парень с зачесанными назад волосами превратил автомеханика в безвольную и окровавленную кашу.

«Послушай, приятель», --- тон Эдди теперь не был неприятным, но он по-прежнему прищуривал глаза, а его губы были тонкими и неровными. «У меня к тебе нет никаких претензий».

«А у меня к тебе есть», --- ответил тот.

Руки Эдди вылетели из карманов, и Дот тихо вскрикнула, когда бледнолицый парень двинулся к ним. Женщина, Эдна, отошла от перил. Казалось, она не торопилась, но вдруг оказалась между Эдди и тем молодым человеком.

«Подождите минутку», --- сказала она.

Эдди уставился на нее. Его глаза горели и покраснели от ярости. В той безумной, кружащейся вечности, наступающей сразу перед тем, как наносится первый удар, каждый человек становится диким, великолепно первобытным. В мраке дубин и гвоздей, зубов и когтей задачей женщины было стоять в стороне, пока крик победителя не разорвал тишину. Женщина и враг никогда не появлялись одновременно на горизонте первобытного воина, и поэтому, восходя к каменному веку, мозг воина не готов к активному присутствию женщины на поле битвы. Эдна, высокая и улыбающаяся, стояла между двумя молодыми людьми. Чёрный шелковый плащ теперь лежал у неё на руке. Он упал на палубу при первом решительном движении Эдди.

«Убирайся отсюда к чёрту». --- тихо проговорил Эдди сквозь зубы.

Женщина засмеялась и перекинула накидку через руку парня с гладкими волосами.

«Вот накидка мисс Хиггинс», --- сказала она. «Скажи ей, что Карбона --- просто класс». Она снова рассмеялась, просунула руку под его локоть и отвела его обратно к его компании. Он оказался более податливым собеседником, чем был бы Эдди. Молодой человек на самом

деле не хотел драться. Его страх перед презрением Эдди заставил его вести себя агрессивно. Он с радостью принял миротворческие усилия Эдны Дригтс. Эдди Коллинз --- нет.

«Твой друг чертовски любит лезть не в своё дело», --- сказал он Дот.

«Не сердись», --- взмолилась она. «Я рада, что он тебя не ударил».

«Что?! Этот маленький дурак с лицом обезьяны?»

«О, я знаю, что ты могла бы его побить, но я рада, что ты не стала драться».

Мимо них прошла пара с сигаретами, ярко светящимися в ночи. Внизу блестела и плескалась река, а над головой --- безмятежное звездное небо.

«Забавно», --- тихо сказала Дот. «Мы видим друг друга здесь сегодня вечером, а потом --- никогда больше». Она махнула рукой в сторону того места, где Эдна исчезла вместе с парнем с гладко зачёсанными волосами. «Интересно, зачем ты познакомилась с той девчонкой Хиггинс? В этом не было никакого смысла. Просто встретишься, поговоришь, поссоришься и забудешь. Интересно, зачем».

«Слушай, о чём ты вообще говоришь?»

Она слегка улыбнулась, и в лунном свете её глаза казались широко раскрытыми и детскими. «Мне сейчас грустно», --- сказала она. «Наверное, потому что играет грустная музыка».

Она прислонилась к перилам и прислушалась. Кто-то, кто умел извлечь из мелодии весь присущий ей пафос и скорбь, играл «Алоха-Оэ» (Aloha Oe) на стальной гитаре.

«Разве это не грустно?» --- спросила Дот. «Боже, от этого у меня такое нежное настроение». Она взяла его за руку, и эти двое, словно дети, стояли вместе, молча и торжественно, на палубе шумного «Бурмы». «Боже, я готова заплакать», --- сказала она. «Честное слово, Джо, я готова заплакать». Её тёмные, полные губы задрожали, и он чуть-чуть крепче сжал её тонкие, обгрызенные до крови пальцы.

«Меня зовут не Джо. Меня зовут Эдди. Эдди Коллинз», --- сказал он, и в его голосе слышались резкость и злость.

ГЛАВА II

В многоквартирном доме был вестибюль. Пол в нем был выложен грязноватыми белыми и коричневыми квадратами. Стены были шероховатыми и тёмными. Дот всегда представляла себе дубовую кору, или, вернее, она представляла себе деревья; она не знала названия ни одного конкретного дерева.

Два стула одиноко смотрели друг на друга через широкую пустую промежутки. Они были пенсионерами. Можно было представить их в былые годы --- важными и нужными в комнате с высокими потолками, где ярко горел камин, а рядом на подносе стояли виски и содовая. Ты не знал, почему тебе пришли на ум виски и содовая, но это было так, и ты снова посмотрел на стулья. Пенсионеры. Готовые к дальнейшей службе, но не соответствующие требованиям современности.

Тебе казалось, будто кто-то говорит: «Но ведь их нельзя уничтожить...» --- и вот они стояли, несчастные и смущённые в своей бесполезности. Кресла в фойе.

Там была ещё телефонная будка, установленная для удобства жильцов, и коврик с потрёпанными краями, чьи весёлые цвета постепенно тускнели с жестокой неумолимостью. Ты знала, что со временем он примет какой-то странный, неопределённый оттенок.

Лестница стояла рядом с телефонной будкой. Она была мраморной и, как подумала Дот, придавала фойе вид элегантности. Ей даже в голову не приходило, что здесь должен быть лифт.

Дот стояла на третьей мраморной ступеньке и смотрела вниз на Эдди. Теперь они были действительно одни. Эдна Дриггс оставила их наедине.

«Полагаю, ты настолько популярна, что я тебя больше никогда не увижу», --- сказал Эдди. В его голосе слышалась ирония. Он не сомневался в популярности Дот, но следовал стандартной тактике. В кругу Эдди мужчины говорили такие вещи именно таким тоном и добивались успеха. В окружении Дот было то же самое.

«Ты же не думаешь, что я соглашусь пойти с тобой на свидание, правда?»

--- спросила она. «Ты вел себя нормально на лодке, когда мне было одиноко...» Она прервалась, рассмеявшись.

«Мне это подходит», --- ответил он. «Мне просто было тебя жаль.

Похоже, ты никак не можешь найти парня, который позвал бы тебя на свидание».

«Ну, я привередлива», --- сказала она, слегка задрал вверх свой маленький носик, а каштановые волнистые волосы, подстриженные под каре, мягко и шелковисто колыхались у нее на шее. Укулеле лежала у нее под мышкой, беззвучная и забытая. Ей не было места в грязном фойе со стенами, похожими на стены сарая, и неудобными стульями. Через несколько минут её небрежно забросят в запасной шкаф --- это место, где скопились зимние пальто, накопленные журналы и бесполезные детали от радиоприёмника.

--- «Ну и что с ним?» --- подсказал Эдди. --- «Хочешь меня ещё увидеть?»

--- «Я бы сказала, что нет, но случайности бывают».

Эдди слегка улыбнулся. Ему нравилось, когда девушки говорили такие вещи. Неинтересно дразнить даму, которая не может придумать быстрый ответ. Эта Дот Хейли была неплоха. Она была немного самоуверенной, но при этом очень симпатичной, хотя он бы никогда не сказал ей об этом.

Это благородное решение воздержаться от того, чтобы подливать масла в огонь тщеславия Дот, было со стороны Эдди чистой бравадой. Ему было бы невозможно воспевать прелести Дот, даже если бы он страстно этого желал. Он знал, что другие парни, когда захотят, могут сыпать комплиментами с завидной лёгкостью. Красивые выражения текли у них с лёгкостью, как им заблагорассудится. Они могли без труда восхвалять даже непривлекательную девушку. Эдди был другим. Лесть застывала у него на губах. Он пробовал это однажды. Он потерпел

неудачу --- или, может быть, у него получилось. Ложные слова не шли с языка. Искреннее восхищение было выразить почти так же трудно. Он искал слова, испытывал ужас, беспомощность, унижение и ярость, а потом, потерпев поражение, снова залезал в свою раковину. Резкие слова и молчание давались ему легче.

--- Хочешь сходить в ресторанчик с чоп-суи? --- спросила его Дот. --- Я знаю одно отличное заведение. Там можно и потанцевать.

--- Где оно?

--- На 125-й улице, рядом с Седьмой.

Эдди знал это место. Он кивнул, давая понять, что согласен.

«В четверг вечером подойдет?»

Эдди снова кивнул.

«Ну, тогда решено», --- бодро сказала Дот. Она поднялась еще на одну ступеньку и задержалась, не решаясь идти дальше. Её руки неспешно скользили по балюстраде, а одна нога делала странные небольшие судорожные движения, выражающие нерешительность.

«Мне пора подниматься», --- сказала она.

«Значит, в четверг», --- напомнил ей Эдди.

«Да, в четверг. Встретимся у входа в восемь часов. Я не буду ужинать. Боже, как я люблю чау-мейн, а ты?»

Эдди ответил, что это вкусно. Дот села на четвертую ступеньку.

«Мне нужно подняться наверх», --- сказала она. «Я позову «Хейл Колумбия», если мой брат дома.

«Он твой начальник?»

«Конечно, но он не строгий. Ему в общем-то все равно, чем я занимаюсь, но иногда, если на работе что-то идет не так, он бывает забавным. Ты же знаешь, как это бывает».

Эдди, похоже, знал, как это бывает. Из уважения к «забавности» брата Дот он молча ждал, пока она снова заговорит. Где-то наверху дверь с громким, металлическим звенящим звуком распахнулась. На мраморной лестнице раздались шаги, и за ними последовал гулкий голос.

«Принеси ещё картофельного салата на десять центов, Бен».

На лестничной площадке появился мужчина с гордой, деловой целеустремлённостью. Его бровь была важно наморщенной. Он нервно и быстро покусывал внутреннюю сторону губы. Его внушительный вид был призван скрыть незначительность его поручения.

Дот подвинулась в стороне на ступеньках, и мужчина прошел мимо неё, по коридору и вышел за дверь.

--- Надеюсь, он не забыл о печеночной колбасе, --- сказал Эдди.

Дот улыбнулась, но не в ответ на замечание Эдди. Это была задумчивая, удивленная улыбка.

«Та женщина, которая кричала, больше не заботится о жизни», --- сказала она.

«Ты её знаешь?»

«Нет, но когда женщина так кричит с лестницы, то это потому, что ей плевать, что подумают соседи, и она такая становится, когда ничто уже не имеет значения».

«Ты сумасшедшая», --- сказал Эдди. «Моя мама тоже кричала вниз по лестнице, когда чего-то хотела».

«Она умерла?» --- спросила Дот.

«Да, как и старик. Он умер от пневмонии. Продал пальто, чтобы выпить, и простудился». Углы рта Эдди искривились в пародийной улыбке. «Однажды он продал всю мебель из гостиной и целую неделю просидел пьяным. А вот моя старушка была хорошей, она... Но, слушай, я отвлекся, --- она всегда кричала вниз по лестнице».

Дот ничего не сказала. Её голова прислонилась к перекладинам балюстрады, а её плисированная юбка мягкими складками лежала на нижней ступеньке. Входная дверь хлопнула, и в прихожую вошла женщина лет тридцати с проницательными карими глазами и стройной фигурой.

Проходя мимо, она улыбнулась Дот и сказала что-то кокетливое о юной мечте о любви. Эдди покраснел, а женщина, смеясь, беззаботно побежала по лестнице.

«Она работает в офисе на Уолл-стрит», --- сказала Дот, когда дверь на один пролет выше них закрылась с тихим достоинством.

«Она получает пятьдесят долларов в неделю».

Эдди взглянул вверх по мраморной лестнице. В его взгляде было уважение и оттенок обиды. Пятьдесят долларов! Разве женщина может столько стоять для коммерческой фирмы? Он в этом сомневался. Уважение исчезло из его взгляда; на мгновение задержалась тень обиды; затем и она угасла. Нет, женщина не могла зарабатывать пятьдесят долларов. Кто-то солгал Дот, или, может быть... --- он бросил на неё быстрый, подозрительный взгляд, но она смотрела вверх по лестнице на дверь, за которой скрывалась та женщина, и выражение её лица было полным почтения. Он не стал бы говорить Дот, что её обманули.

Эдди считал это безобидным обманом.

--- Пожалуй, я пойду, --- сказал он. --- Мне завтра рано вставать.

Дот встала.

«Мне нужно было уйти еще полчаса назад. Меня убьют».

Никто из них не сделал решительного шага. Мужчина с жалостным выражением лица вернулся с большой бумажной сумкой. Дно мешка было мокрым, а из верха торчали небольшие завернутые пакетики. Он быстро прошел по коридору, но запах приправленного мяса и уксуса следовал за ним медленно и вяло.

«Значит, в четверг вечером в восемь?»

«Ага, перед китайским рестораном». Дот отвернулась и поднялась на две ступеньки. «Спокойной ночи, Эдди».

«Слушай, Дот».

Она резко обернулась, вопросительно приподняв темные брови. Он не сдвинулся ни на пару сантиметров.

«Почему бы тебе не пожелать спокойной ночи как положено?»

«Ох». Она слегка рассмеялась и сбежала вниз по лестнице --- внезапный вихрь белых шелковых складок и блестящих волос, которые безумно развевались вокруг её лица.

Он поймал её в объятия и крепко прижал к себе. Её щека прижалась к его. Она была нежной и слабо пахла пудрой, которую она использовала. Он поцеловал её губы, и она ответила на поцелуй. Именно в таких ситуациях Эдди ощущал потребность в нежных словах. В такие моменты другие парни шептали ласковые прозвища и роскошные комплименты. А он мог только прижать её к себе и целовать.

«Я тебя очень-очень люблю, Эдди».

«Правда?»

«Разве ты меня не любишь?»

«Конечно».

«Ты этого не сказал».

«Не сказал?»

«Ты же знаешь, что не сказал».

Он снова поцеловал её, чтобы заставить замолчать. Её тело было сладким, ароматным и тёплым. Это было вечное тепло, не зависящее от погоды. Она останется и после того, как уйдет август, когда «Бурма» будет спать, мечтая о звездных серебряных ночах на реке. Когда свистящее и напевающее стадо перестанет свистеть и напевать: «Дождя больше не будет».

Она отстранилась от Эдди и снова повернулась к лестнице. Поцелуи здесь были другими --- на фоне выцветшего ковра и унылых стульев, наблюдающих за ними в молчаливом, потрясённом изумлении. Это было не то, что на лодке. Дот внимательно рассматривала крошечную парapiну на одной из струн укулеле. Ей не хотелось смотреть на Эдди. Нет, здесь совсем не так, как на лодке.

«Мне пора», --- сказала она. Её слова перебивали друг друга; некоторые дошли до ушей, другие затерялись.

«Меня убьют. Увидимся в четверг вечером в восемь. Спокойной ночи», Она поспешно вскарабкалась по мраморным ступеням, остановившись на второй площадке, чтобы услышать, как захлопнулась дверь. Он уходил домой. Где это было? В ней вдруг зашевелилось легкое чувство паники. Она не знала, где он жил. А вдруг он разочарует её в четверг вечером? Возможно, она больше никогда его не увидит. Её кокетливая короткая причёска беззаботно покачивалась.

А что, если она действительно больше его никогда не увидит? Были и другие мужчины. Множество других мужчин. Дот пожалала плечами с беззаботной легкостью. Свой путь --- это свой путь, даже если тебе приходится идти по нему в одиночку.

На третьем этаже она нащупала ключ и открыла дверь в конце лестницы.

«Это ты, Доти?» --- раздался в коридоре, встречая её, жалобный голос отца.

«Да, папа, это я». Вопрос и ответ прозвучали одновременно. У Дотт уже пять лет был ключ, и Фрэнк Хейли всегда так приветствовал своих детей. Он знал тяжелые, решительные шаги Джима и легкую, похожую на танец походку, которая означала, что это Дот. Он поднимал глаза от своего журнала или вечерней газеты, и в его бледно-голубых глазах появлялось озадаченное выражение, когда ключ поворачивался в замке. Он начинал беспокоиться и спрашивал своим раздражённым тоном: «Это ты, Доти?» Затем, убедившись, что это действительно она, он удовлетворённо кивал и возвращался к чтению. Он и так знал, что это Дотти, но часть игры заключалась в том, чтобы она сама это сказала. Иногда, когда Джим был в плохом настроении, он отвечал на вопрос небрежным: «А кто, по-твоему, это был?»

Это невероятно опечалило бы Фрэнка Хейли. Это было жестоко и неуважительно. Он не имел права так разговаривать со своим отцом. Жаль, что он был болен и стар, иначе он ни дня больше не полагался бы на милость своего сына. Бог знает, как он старался достойно воспитать Джима и Доти после смерти их дорогой матери. Он готовил для них, убирал за ними. В своей старости он ничего не мог поделать с тем, что был болезненным, и только подумать, что его сын не хотел сказать ему ни одного вежливого слова! Ну, если он был в тягость, то для этого было решение.

Но на следующую ночь Фрэнк Хейли снова мирно читал, когда по лестнице раздались тяжелые, решительные шаги.

«Это ты, Джим?» --- спрашивал он.

«Ага, это я».

И Фрэнк Хейли довольно кивал головой и возвращался к чтению.

В комнату вошла Дот. Она сняла свою белую плиссированную юбку и яркий свитер. На ней было грязное и выцветшее платье, у которого были оторваны рукава. Нитки свисали из рваных разрывов и уныло тянулись по белой упругой коже рук Дот.

«Ты хорошо провела время, дорогая?»

«Да, Эдна пошла со мной, ты же знаешь. Мы плавали вверх по Гудзону на «Бирме»».

«Звучит очень мило», сказал отец Дот.

«Так и было».

Голубые глаза мистера Хейли вежливо ждали, не хочет ли Дот продолжить разговор. Прошло пятнадцать секунд молчания, и они решили, что нет, и с нетерпением вернулись к статье.

Дот развернула раздел газеты с ротогравюрными иллюстрациями и без интереса пробежала глазами по фотографиям некоторых светских людей, похоронам известного политика и новым обитателям Бронкского зоопарка.

В комнате было очень тихо. Дот отодвинула газету от себя и широко зевнула. Она подумывала о том, чтобы лечь спать, но Эдна передала ей сообщение для Джима. Доверять его отцу было небезопасно, ведь он искажил бы его до неузнаваемости. Оставить записку для Джима означало бы задеть чувства старика.

Дот ждала, нетерпеливо пиная толстый столб из золотистого дуба, на котором стоял стол. Ее отец поднял глаза от журнала.

«Ты царапаешь стол, Доти», --- сказал он укоризненно.

«Еще одна царапина ничего не изменит», --- ответила она.

Мистер Хейли продолжил чтение. Доти была совершенно права. Еще одна царапина не заметна была бы в этой джунглях перекрещивающихся следов, но детей все же нужно время от времени порицать.

Дот отодвинула свой стул от стола. Стул тоже был из золотистого дуба. Ее мать считала, что для столовой идеально подходит именно золотистый дуб. Там стояли ещё два стула, похожих на тот, на котором сидела Дот. Один из них имел подлокотники и был папиным креслом. У южной стены стоял длинный, массивный буфет. Он был накрыт шарфом цвета экрю, а на нём с мстительным удовлетворением стояла красная стеклянная чаша.

Эта чаша представляла себе неясное, искажённое красное пятно, отражающееся на дверце фарфорового шкафа, стоявшего прямо напротив по другой стороне комнаты. Дот приняла эту комнату. Ей даже в голову не пришло, что красную чашу можно поставить на верх фарфорового шкафа, а на её место поставить голубую вазу. Вещи стояли там же, где стояли в доме на Лексингтон-авеню, и никто не подумал их переставить.

Мама умерла в том другом доме. Дот не помнила её. У неё была фотография на жести, на которой была запечатлена черноволосая девушка с большим ртом и пышной причёской «помпадур». Это была мама. Фотография была сделана на Кони-Айленде.

Рядом с ней гордо стоял элегантный молодой человек в котелке. Это был не папа. Папа был фотографом. Возможно, здесь и была романтика, но Дот этого не видела, и, вероятно, папа тоже уже не видел.

Дот смутно задавалась вопросом, как бы маме понравилась их квартира в Бронксе. Арендная плата выросла со времён мамы. Пятьдесят пять долларов платили Хейли, при том что Джим и папа жили вместе в одной комнате, и у них не было гостиной для приёма гостей. Не то чтобы к ним часто приходили гости, но бывали друзья Дот и время от времени какой-нибудь мужчина из ложи папы. Эдна была единственной, кто приходил навестить Джима, и Эдне было совершенно всё равно, что у них нет гостиной.

Второе зевка Дот прервала папа, который внезапно с ожиданием повернул голову в сторону прихожей. Дверь шумно распахнулась, и папа крикнул: «Это ты, Тим?

«Ага, это я».

На лице мистера Хейли отразилось облегчение. Дети были в безопасности дома. В поле зрения появился Джим. Он уже снял пальто и жилет и, проходя мимо, дергал за галстук, направляясь в комнату, которую делил с отцом.

Он был высоким и мускулистым. Его черты лица были грубыми и неровными. Когда он улыбался, Дот он нравился, но в большинстве случаев он был мрачно серьёзен, и она представляла его в машинном цехе в роли мастера, управляющего мужчинами с растрепанными волосами и потными лицами, и представляла, как они его ненавидят.

«Привет, малышка». Проходя мимо, он дернул Дот за волосы, и она последовала за ним в его комнату.

«Я ждала тебя», --- сказала она. «Эдна просила передать тебе, что завтра вечером к ней в гости придет её двоюродный брат Уилл. Она говорит, чтобы ты не приходил, если не готов быть с ним вежливым».

Джим бросил свое пальто на стул. Оно упало на пол, и ни один из них не поднял его.

«Ладно», --- сказал Джим.

«А ты всё-таки пойдёшь?»

Дот считала, что в качестве курьера она имеет право задавать вопросы.

«А тебе-то какое дело?»

«Никакого, наверное».

«Ты угадала». Джим был на одиннадцать лет старше Дот, и мог позволить себе быть настолько грубым, насколько хотел. «Убирайся отсюда. Пойду раздеваться».

Дот поспешно ушла. Теперь она могла свободно ложиться спать. Её миссия была выполнена. Она на секунду нерешительно задержалась в столовой, а затем подошла к радиоприёмнику. Это была единственная вещь в комнате, которая не была из золотистого дуба. Он был покрашен под красное махагони и имел три важно выглядящих ручки. Дот тихо приподняла крышку и заглянула внутрь. Ей хотелось посмотреть, как он устроен.

ГЛАВА III

«Сад Лотоса» с его яркими висящими фонарями и пряными местными ароматами напоминал веселый китайский праздник с необычной, пронзительной музыкой. Представлялись девушки с красными губами и темными глазами, покусывающие золотистые лаймы, странные восточные азартные игры и желтокожие юноши с черными шелковистыми волосами. Изысканный восточный колорит «Сада лотоса» подчеркивался декоративным присутствием его владельца. Герберт Йет Сим Ном --- самодовольное смешение Мотт-стрит и Таймс-сквер --- тихо пробирался по ресторану, распространяя свою утончённую дипломатичность среди поваров, официантов и любителей китайских и американских блюд в любое время дня и ночи.

Тем не менее Сим Ном прекрасно знал о том томном очаровании, которое исходило от каждого фонаря, занавеса и дымящегося ладаном идола в этом заведении. Он всё это запланировал, и его главное удовольствие заключалось в том, чтобы наблюдать, как чувства американцев закружились от тройного натиска китайской музыки, огней и кулинарных искусств. Он знал, что молодые мужчины и женщины, которые то входили, то выходили из «Сада Лотоса», представляли себе Китай как ослепительное пространство, наполненное золотыми драконами и завораживающими символами, придуманными Гербертом Йет Сим Ном.

Ему нравилось наблюдать за посетителями. Те, у кого на лицах смешивались выражения недоумения и восхищения, ему не нравились. Это были деревенщины. Те, чьи лица были мрачными, словно маски неодобрения, вызвали едва уловимый проблеск удовольствия в карих глазах Йет Сим Ном. Его радостью были взыскательные посетители, чья непринуждённая осведомлённость о меню свидетельствовала о том, что они --- завсегдатаи многих китайских кафе. Больше всего ему не нравились те, кто ел, пил и курил, не осознавая при этом, что «Сад Лотоса» был так же прекрасен, как видения мечтательной китайской служанки.

Таким слепцом был Эдди Коллинз. Он пришёл в «Лотос-Гарден» исключительно для того, чтобы съесть чау-мейн, и занимался своим делом уверенными, методичными движениями. Часто поднимал чашку с чаем, и тогда его взгляд на мгновение беспристрастно задерживался на окружающей обстановке. Вместе с чашкой его взгляд снова опускался, и Эдди Коллинз вновь с аппетитом приступал к миске, стоящей перед ним. Его собеседница была совсем другой. Её глаза блестели, когда она наблюдала, как другие пары кружились в ритме танца. В ней была какая-то тревожная живость. Она хотела стать частью этой колеблющейся, извивающейся толпы. Герберт Йет Сим Ном видел, что атмосфера захватила её. На её щеках светились яркие красные пятна, и она курила сигарету так, что было видно: она курит только по особым случаям.

Тем не менее Сим Ном прошла мимо них. Их обслуживал новый официант, и опытный взгляд владельца быстро обвёл стол. Единственное впечатление, которое он запомнил, --- это то, что этот глупый парень с волосами песочного цвета пренебрег пепельницей и выкладывал на свою блюдце мокрое серое полукружие из окурков.

Музыка умолкла, и танцоры поспешили обратно к чау-мейн, который за время многих бисов стал холодным и клейким. Девушка с полужакрытыми веками и росистыми алыми губами проплыла мимо столика, за которым сидела Дот Хейли с Эдди. Её окружало блуждающее облако духов. Казалось, оно спиралью поднималось от её пушистой чёрной стрижки до каблучков тапочек. Это были красные тапочки.

«Я её знаю», --- сказала Дот. «Её зовут Мод Маклофлин. Мы учились вместе, и после того, как начали работать, мы часто встречались, но она завела себе постоянного парня, и у неё больше не осталось времени на подруг».

«Это тот парень?» --- спросил Эдди, с любопытством глядя на стройного, нарядного молодого человека в тёмном костюме, из-под которого проглядывал светло-серый жилет, и который улыбался.

«Да, это он. Его зовут Тед Монро. Он делает ставки на лошадей и всегда выигрывает, как рассказала мне Мод».

Эдди слегка рассмеялся. «Он --- класс сам по себе», --- заметил он.

«Ну, полагаю, он умный парень, Эдди. Мод собирается выйти за него замуж. Она сказала мне, что вышла бы за него замуж уже в первую неделю после знакомства, только у него не было достаточно денег».

«В ту неделю не было скачек?»

«Не знаю. Может быть... О, Мод меня видит. Она идет сюда».

Эдди остался сидеть. Если бы рядом оказался учитель хороших манер и сказал: «Эдди, почему бы тебе не встать?», он бы незамедлительно ответил: «А зачем? Я ведь никуда не ухожу».

Мод бурно поприветствовала Дот и обратила на Эдди внимательную, оценивающую улыбку.

«Как по делам?», --- сказала она.

Эдди не знал, стоит ли ему в ответ выкрикнуть «Как поживаете?» вызывающим тоном или сказать «Я чувствую себя хорошо»; поэтому он промолчал, что было вполне кстати, так как интерес мисс МакЛафлин к нему уже поубавил. Она сильно отличалась от Дот. Эдди чувствовал эту разницу. На ней был большой желтоватый бриллиант и платье с тяжелыми изысканными складками из атласа.

«Ой, дорогой, я тебя столько времени не видела. Тебе стоило зайти к нам домой, детка. Ты же знала, что я всегда рада тебя видеть».

Ее поток приветливости поставил Дот в неловкое положение. Она запнулась. «Я... я подумала, что ты всегда занята».

Мод важно улыбнулась. «Конечно, вокруг всегда толпа, но это просто куча прихлебателей, которые не имеют большого значения. Тебе стоило зайти к нам, Дот. Тед как раз говорил однажды вечером, примерно месяц назад, что ему интересно, что же стало с той милой девушкой Хейли».

Эдди не нравилась Мод. Ему не нравилось, как она вела себя по отношению к Дот. Наверное, для этого было какое-то слово, но он не мог вспомнить, какое именно. Она вела себя так, будто она что-то давала Дот. Эдди хотелось бы вспомнить это слово, чтобы потом рассказать об этом Дот.

«Я попрошу Теда зайти к нам, и мы устроим вечеринку вчетвером. Как вам такая идея, мистер Коллинз?»

«Все стоит попробовать хотя бы раз», --- мрачно ответил Эдди.

Тед подошел. Сразу стало очевидно, что он вообще ничего не спрашивал об этой милой девушке Хейли. Он не помнил, чтобы раньше с ней встречался, и через две минуты после второго знакомства уже забыл её имя.

«Это ужасное место», --- сказала Мод. «Я рада, что у меня внизу стоит машина, так что я смогу быстро отсюда уехать».

«Это твоя машина?» --- с восхищением спросила Дот.

«Да, конечно. То есть, практически. На самом деле это машина мамы».

Если бы Мод зашла чуть дальше, она, возможно, докопалась бы до правды. Машина --- трехлетний «Бьюик» --- на самом деле принадлежала подруге матери Мод. Самая близкая подруга матери Мод. Подруга, с которой, по сути, у матери Мод были такие близкие отношения, что порядочные люди могли только сожалеть об этом.

Оркестр снова заиграл, но ни одна из пар этого не заметила. Эдди курил сигарету и слушал Мод МакЛафлин. Ему хотелось бы вспомнить это слово. Тед пил чай с некой мужской грацией, которая подчеркивала его мягкие, ухоженные руки. Дот вырезала узкие золотистые юбочки из ананаса боковой стороной ложки и вспомнила, как семилетняя Мод сидела на ступеньках у входа для учителей и рассуждала на тему, откуда берутся дети. Теперь она уже не раскрывала «секретов», хотя вокруг слов Мод всегда витала определённая аура шаловливости. Это было потому, что её глаза навсегда сохранили в себе выражение беспечной и нераскаившейся сдачи.

«А ты, дорогая, чем занималась?» Мод закончила свой разговор о том, что она называла совершенно ужасным летом, и теперь была готова выслушать, на случай, если у кого-нибудь ещё было что сказать.

«О, я работала», --- ответила Дот. «Это, пожалуй, всё, чем я когда-либо занимаюсь».

«Бедняжка. Я просто не выдержала бы офисной рутины. Я чуть не сошла с ума, каждый день мчась в центр города. Если бы я не уволилась, у меня бы случился нервный срыв, я в этом уверена».

Эдди неловко пошевелился и закурил еще одну сигарету.

«Подержи зажигалку», сказала Мод. Она поднесла к губам сигарету с пробковым фильтром и положила холодные белые пальцы на руку Эдди, чтобы удержать её. Легкое, едва уловимое дыхание коснулось щеки Эдди, и спичка погасла.

Он отдернул руку. «Это моя последняя спичка», --- сказал он и повернулся, чтобы выпустить дым в сторону танцпола.

Официант принес счета. Тед Монро прикрыл их одной рукой и старался выглядеть невозмутимым под пристальным взглядом Эдди. Он уже был готов начать ту самую популярную добродушную перепалку, когда Эдди тихо сказал: «Отдай мне мой счет, Монро».

Тед передал её, улыбаясь. Этот Коллинз был странным парнем, явно из низшего сословия. Тед взглянул на свой счёт и попросил у Мод три доллара и восемьдесят центов. Эдди шумно встал. Его стул на мгновение зашатался на двух задних ножках, а затем с грохотом вернулся в нормальное положение. Трое за столом бросили на него неодобрительные взгляды. Дот даже подняла глаза от своей пудреницы, чтобы посмотреть на него.

«Да ладно тебе», --- сказал он ей. «Хватит суетиться. Ты будешь выглядеть так же плохо, когда закончишь».

Дот с быстрым щелчком закрыла свой туалетный столик и вскочила на ноги. Мод все еще сидела, а Эдди уже начинал удаляться.

«Я ухожу, Мод. Увидимся», --- сказала Дот, на мгновение остановившись рядом с Мод.

Мод рассмеялась. «Твой грубый Ромео тебя хорошо приучил», --- сказала она. «Ты что, за ним как за собачкой бегаешь? Я хотела, чтобы вы оба пожили у меня какое-то время.

Тебе бы это понравилось?»

«О, конечно, это было бы здорово». Готовая улыбка Дот исчезла, и на её лице отразилось сомнение. «Но, может, Эдди не захочет идти. Подожди, я его спрошу».

Он прислонился к двери на верху лестницы ресторана. На голове у него была шляпа, а сигарета горела уже совсем близко к пальцам.

«Готова пойти?» --- спросил он.

«Эдди, Мод хочет...» --- Дот сглотнула; он смотрел на неё холодно, --- «хочет, чтобы я зашла к ней домой».

«Ну?»

«Я думала, ты тоже захочешь пойти».

«Ты подумала не то, что надо», --- ответил он, открывая дверь. «Что мне делать с этой Джейн и её милым дружкой? Иди сама».

Он уже переступил порог. Дот схватила его за руку, и дверь закрылась за ними. Они стояли на верху лестницы, глядя вниз на 125-ю улицу.

«Эдди, я вышла с тобой и собираюсь остаться с тобой. Я не такая, как эта девчонка Хиггинс».

Его угрюмые глаза моргнули, но он так и не повернулся к ней лицом. Он наблюдал, как огонек сигареты ползет ближе к его руке.

«Пожалуйста, пойдем, Эдди. Мод и Тед ждут тебя, а я так хочу туда пойти».

«Ну, иди», --- сказал он, швырнув то, что осталось от сигареты, на небольшой выложенный плиткой вестибюль внизу. «Они твои друзья, и, полагаю, для тебя это что-то значит --- навестить их. Для меня это ничего не значит».

Зубы Дот блуждали от одного пальца к другому в тщетном поиске кусочка ногтя, за который можно было укусить. Она отвернула голову от Эдди и посмотрела на стену --- неинтересный, но безопасный вид.

«Мне это тоже ничего не значит», --- наконец сказала она, --- «если только ты не пойдешь тоже».

Он не ответил. На лестничной площадке на секунду воцарилась тишина; затем до ушей Эдди донесся странный, приглушенный звук.

«Слушай, ты плачешь?» --- спросил он. «Мне от тебя тошно: плачешь, потому что хочешь пойти к какой-то бабке домой, но не пойдешь».

«О, дело не в этом, Эдди».

Теперь он мог разглядеть ее лицо. Её глаза были нелепо покрасневшими. Губы, которые обычно были тёплыми и полными, вели себя неподобающе. Ей с трудом удавалось донести до него свои слова --- так тихо она говорила, чтобы голос не сорвался на глупое рыдание.

«Это потому, что ты такой злой, Эдди. Ты так грубо со мной разговариваешь. Наверное, я тебе не нравлюсь, Эдди».

«Ой, да ради Бога!» --- сказал он, произнося слова помедленнее, чтобы вложить в каждое из них максимум презрения. «Если ты так сильно хочешь пойти к той сумасшедшей бабке, то пойдем».

«О, ты просто милашка», --- сказала Дот, просветлев и бросившись за своей пудреницей.

Эдди ничего не сказал. Он пошарил в поисках еще одной сигареты и как раз чиркнул спичкой о матовую стеклянную панель «Герберта Йет Сима Норна», когда к ним присоединились Мод и Тед.

«Может, Эйр Коллинз решил оказать нам милость?» --- спросила Мод. Ее глаза заблестели от веселья, и она тихонько рассмеялась, когда Дот ответила: «Да, он говорит, что заскочит на минутку, Мод».

Тед уже сидел в машине. Между его темными бровями промелькнула небольшая морщинка недовольства, когда он увидел, как Мод спускается по лестнице с Эдди и Дот. «Почему Мод так поступает?» --- задался он вопросом. Какое удовольствие она могла извлечь из того, чтобы развлекать эту маленькую тупицу? И как будто этой девчонки было мало, тут ещё появился этот Коллинз с манерами землекопа.

«Твой друг может сесть рядом с Тедом», --- сказала Мод, когда они подошли к машине. «Мне нужно тебе столько всего рассказать, Доти».

Не проронив ни слова, Эдди залез на сиденье рядом с рулем. Тед сидел без выражения на лице и молчал, дожидаясь, пока девушки усядутся сзади.

«Хочешь сразу домой?» --- спросил он Мод.

«Мне придётся», --- ответила она. «Мне, возможно, позвонит мама из другого города. Она в Атлантик-Сити», --- объяснила Мод Дотти. «А потом Сью Кьюдэхи заскочит на минутку. Ты же знаешь Сью, правда, Доти?»

«О, конечно. Это та девушка, которая не смогла закончить школу, да? Ей пришлось устроиться на работу».

«Да», --- ответила Мод, и в её голосе внезапно прозвучала сочувственная нотка. «Бедная Сью. Я отдаю ей всю свою старую одежду. Она зайдёт за тем, что я ей обещала сегодня вечером. Не показывай, что ты об этом знаешь. Она очень чувствительная».

«О, я не покажу», --- пообещала Дот.

Машина завелась, и на мгновение между пассажирами не прозвучало ни слова. Поездка на машине была для Дот редким удовольствием. Ей нравилось движение машины, ветер в лицо, ощущение роскошной уединенности. Она была уверена, что если бы у неё когда-нибудь появилась собственная машина, она ездила бы всю ночь напролёт. Конечно, не одна. Кто-то должен был бы быть с ней; так что она взяла бы с собой Эдди. Может быть, когда-нибудь они доедут на машине аж до Калифорнии. Дот слышала о людях, которые так делали.

«Она теперь телефонная операторша», --- сказала Мод.

«Ах да --- Сью». Дот снова пошла в ногу с Мод.

«У неё есть парень, который просто невыносим». Её росистые алые губы сжались в длинную, тонкую линию неодобрения. «Говорят, он продавец в аптеке, но я думаю, что он просто продавец газировки. Бедная Сью, она, наверное, выйдет за него замуж, родит шестерых детей и будет носить мою одежду до конца своих дней».

«Да», --- довольно тупо ответила Дот. Она думала о Сью Кадахи такой, какой запомнила её. О той высокой блондинке Сью, которая когда-то шепотом рассказала ей зловеще увлекательную историю о том, с Мод МакЛафлин и одним мальчиком из младших классов. Эта история была настолько зловеще увлекательной, что разлетелась, как чума, по всей школе. В здании, кто бы не слышал об этом, и Мод занималась своими делами, устремив свои тёмные глаза как на учеников, так и на учителей, а в глубине этих глаз читался дерзкий вопрос. Это было шесть лет назад. Теперь Мод была лучшей подругой. Но была ли она ей на самом деле? Конечно, с её стороны было мило проявить милосердие по отношению к Сью. Однако не столь мило было с такой беспечной свободой говорить о положенности Сью. Этого можно было избежать. Тем не менее оставался факт, что Мод не говорила ничего плохого о Сью и вела себя по отношению к ней великодушно. Дот была озадачена. Людей было трудно понять. Это было похоже на загадку: «Когда друг --- не друг?»

«Как, по-твоему, я выгляжу?» --- внезапно спросила Мод. Она зажгла сигарету, откинулась на спинку стула и беззаботно выпускает дым.

«Ого, просто отлично», --- ответила Дот. «У тебя классный бриллиант. » Мод удовлетворенно улыбнулась. Ей нравилось, когда другие девушки замечали ее кольцо. «Разве оно не прекрасно?» --- сказала она. «Я не хотела, чтобы Тед переплатил более тысячи долларов, но он такой дурачок».

Дотт ахнула. Более тысячи долларов! Мод старалась выглядеть совершенно непринуждённо после того, как сообщила эту новость. Девушки обычно не реагировали так, как Дотти. Обычно они старались подстроиться под непринужденность Мод. Одна сказала: «Ну, ему придется переплатить более тысячи, Мод. Девушка не стала бы носить то, что парень может купить за тысячу». Но Дот была настолько ослеплена, что на секунду Мод побоялась, что переборщила. Она успокоилась, увидев, что Дот приходит в себя, но решила не говорить Дот, что её зимнее пальто стоит три тысячи пятьсот долларов. В данном конкретном случае вполне хватило бы и полутора тысяч.

«Когда ты собираешься выйти замуж?» --- спросила Дот.

Мод выбросила сигарету и приблизилась к Дот. Ее голос понизился почти до шепота, когда она сказала: «У меня есть еще одно предложение. Есть один мужчина сорок два лет, банкир, который просто без ума от меня. У него дом за сто тысяч долларов и четыре «Роллс-Ройса». Он разводится со своей женой только в надежде, что я за него выйду».

«О, Мод, ты же не выйдешь замуж за старика?» --- с ужасом спросила Дот.

Мод приняла позицию «женщина к женщине». «Не знаю, Дот», --- сказала она. «Если быть с тобой совершенно откровенной, я не уверена, что не вышла бы. Что я получу, если выйду замуж за Теда, хотя я и обожаю его? Предположим, у него действительно доход, скажем, триста или четыреста долларов в неделю. Что это, в конце концов? Это ничто по сравнению с тем, что мог бы дать мне мистер Шоу».

«Шоу --- это его фамилия?» --- спросила Дот.

«Да, Джордж Бернارد Шоу», --- ответила Мод. «Разве это не звучит престижно?» На мгновение она замерла в головокружительном напряжении. Это имя казалось ей слишком знакомым. А вдруг это имя киноактера? Но вскоре Мод снова стала дышать ровно. В выражении лица Дот не было и тени подозрения. Мод про себя улыбнулась. А что, если Джордж Бернارد Шоу и был киноактером? Дот была такой чертовски тупой, что это не имело бы никакого значения.

ГЛАВА IV

Машина остановилась перед домом из коричневого песчаника на Александровской авеню. На улице было очень тихо. Атмосфера Бронкса так и не проникла на эту маленькую улочку. Здесь не было видно ни лестниц, заполненных сплетничающими еврейками без корсетов, ни кричащих младенцев с грязными личиками. Тишина Александровской авеню требовала спокойствия, и шумные, невоспитанные семьи, приезжавшие «в поисках комнат», всегда отпугивались отчужденностью старых коричневых домов. То здесь, то там в пороге стояла пара. На Александровском проспекте в этом не видели ничего значительного --- над всем витала такая атмосфера респектабельности. Создавалось впечатление, что эти пансионаты --- изысканные и приличные. Возможно, эта атмосфера пристойности исходила от вывесок престарелых врачей, чьи пациенты умерли много лет назад.

Обе пары вышли из машины: Тед и Эдди не обменялись ни словом. Мод покопалась в своей сеточной сумке в поисках ключа и поспешила вверх по лестнице, ее белые колени мелькали в темноте, пока она бежала.

--- Не обращайтесь внимания на беспорядок в доме, --- сказала она, распахивая двери. --- Белла не приходила убираться с тех пор, как мама уехала. Даже если платить негру двадцать пять долларов в неделю, все равно нормального обслуживания не дожждаться.

Остальные к тому времени уже дошли до прихожей. Мод впустила их внутрь и включила свет. Лестница, окрашенная дешевой краской, поднималась сбоку от прихожей прямой, простой линией. Впереди находилась гостиная --- огромная, но, несмотря на это, заваленная вещами. На рояле и стульях лежал толстый слой пыли. Подносы на столиках для курения были переполнены до предела окурками, а ковёр вокруг великодушно принял на себя излишки. В углах узор паркетного пола был хорошо скрыт, а два стакана с красным липким налётом навели на мысль, что Тед и Мод, возможно, выпивали несколько дней назад.

Одежда, очевидно принадлежащая Мод, валялась на стульях и диване. Халат мужского кроя был накинут на фортепиано, словно шарф.

«Здесь грязно», --- сказала Мод, что было несколько лишним. Дот и Эдди нашли себе места. Мод швырнула шляпку на пол, а сама упала на диван.

«Будь милым, Тед, и смешай коктейль», --- сказала она.

«Да что с тобой такое?» --- отпарировал он. «Что, инвалид?»

«Ты такая милашка», --- пробормотала Мод, --- «я готова тебя съесть, когда ты пытаешься быть грубым с нашей маленькой Модди».

Мод приготовила коктейль.

Эдди отказался от бокала. «Никогда им не пользуюсь», --- пояснил он.

«Мистер Коллинз подозревает, что у тебя есть личный запас, Тед», --- сказала Мод.

Дот пробовала свой напиток маленькими глотками. Он был золотистого оттенка и подавался в бокале на тонкой ножке, который переливался дюжиной цветов. Дот была разочарована горьким вкусом коктейля. Казалось печальным, что такая красивая вещь может иметь такой ужасный вкус.

Она посмотрела на Мод. Ее коктейль был уже выпит, а коктейль Теда быстро исчезал.

«Очень хорошо», --- сказал он Мод.

Дот с сожалением вздохнула, отдавая стакан на поднос. Она никогда не будет такой, как Мод.

«В чем дело, дорогая?» --- спросила Мод.

Дот было неловко. «Мне это не нравится», --- пробормотала она.

Мод и Тед рассмеялись. «Ой, да ладно тебе», --- сказала Мод, «они тебе еще понравятся». Она взяла стакан и направилась с ним к Дот. «На, выпей это, и тебе понравится следующий».

«Боюсь, что не могу», --- сказала Дот.

«О, конечно, можешь».

Дот порадовалась, что зазвенел дверной звонок. Она уже представила, как Мод держит её, а Тед вливает этот прекрасный, ужасный напиток ей в горло.

Эдди сидел возле фортепиано и улыбался, глядя на её растерянность. Она чувствовала, что на него можно полагаться, но это её не утешало. Она не хотела, чтобы Тед и Эдди дрались друг с другом по всей комнате. Однако о коктейле было забыто, когда Мод вернулась в сопровождении Сю Кюдэхи и Пэт Мэйси.

Сю была высокой блондинкой, как ее запомнила Дот, с маленькими голубыми глазами под тонкими, неразвитыми бровями. Ее нос был красивой формы, но рот у нее был большой, а зубы, когда она улыбалась, напоминали три стороны квадрата.

Пэт, которого подозревали в том, что он продавец газировки, имел -- очень рыжие волосы и мелкое нервное лицо. Было невозможно угадать цвет его глаз, потому что он непрерывно моргал.

Он сел рядом с Эдди. Они испытывали дружеские чувства друг к другу, но ни один, ни другой не знали, почему, и не осознавали наличия какой-то связи.

О коктейлях новичкам не было сказано ни слова. Сю наблюдала, как Мод выпивает тот коктейль, от которого отказалась Дот, и в ее глазах мелькнула легкая тень улыбки.

Тед откинулся на спинку стула и с удивлением оглядел друзей Мод. Чего она от них хотела? Что они ей давали?

Его взгляд перешел на Мод. Она разговаривала с Сю.

«О, Сю, я нашла несколько самых прекрасных шляп и платьев для той твоей подруги, которой они так нужны». Мод значительно посмотрела на Сю, когда говорила. Её взгляд был таким же острым и многозначительным, как толчок локтем. Она хотела, чтобы у Сю не осталось ни малейшего сомнения в доброте её старой школьной подруги.

«Неужели?» --- небрежно сказала Сю.

«Есть одна шляпа, которая, как мне кажется, будет очень подходить...» --- продолжила Мод.

«Неужели?» --- снова сказала Сю и повернулась, чтобы спросить Дот, ее брат все еще холост ли.

У фортепиано разговор перешел на радио.

«Хотела бы я быть достаточно умной, чтобы что-то понимать в этой чудесно интересной теме», --- сказала Мод.

Она была раздражена --- эти две глупые пары игнорировали её!

«Я расскажу пошлую историю», --- объявила она. «Мне неинтересно ни радио, ни брат Дот».

Это было не так резко, как ожидала Дот. Она слегка засмеялась и посмотрела на Эдди. Ему это не пошло на смех.

«Мистеру Коллинзу не понравилась моя история», --- хихикнула Мод злорадно.

«О, да, мне понравилась», --- ответил Эдди, --- «с самого первого раза, как я её услышал».

Его ответ вызвал у Сю и Пэт ещё громче смех, чем рассказ Мод.

«А вот одна, которую ты никогда не слышала», --- сказала Мод.

На протяжении всей второй истории Дот устремила взгляд на ковер. Ей пришлось целую вечность ждать, пока Мод закончит. Когда Мод наконец закончила, Дот поняла это только по смеху Пэт Мэйси. Дот не могла найти ни капли смысла в той фразе, которая вызвала смех Пэт. Она снова посмотрела на Эдди. Он тоже не смеялся, но она видела, что он понял шутку Мод. Эдди с любопытством пристально смотрел на Теда. В его голове рождалась ругательство из лексикона среднего класса. «Чёрт бы его побрал, если бы женщина его когда-нибудь рассказала грязную шутку».

Дот поняла, что он недоволен. Она шепнула Мод, что им пора уходить. Но Мод только-только начала веселиться. Она настояла, чтобы они остались, и опасения Дот были развеяны убедительными аргументами хозяйки. Мод рассказала ещё одну историю. От этой несло слабый запах прокисшего пива и бесплатного обеда. То, что девушка в вагоне «Пульман» сказала мужчине, с которым делила купе, поразило Дот, словно пощечина. Она не могла поверить в это, говоря о Мод. Дот сидела молча, пока Тед вставлял в разговор байку о женщине, которая не хотела больше детей. Ее взгляд встретился со взглядом Эдди, и на лице Дот появился румянец, из-за которого она отвернулась от него. Были ли эти люди её друзьями? Она сама хотела сюда прийти. Она не могла позволить Эдди увидеть, что она ненавидит их, ненавидит находиться в этой пыльной, задымленной комнате вместе с вульгарной и бесстыдной Мод.

И так они оставались, пока Мод вставляла с двадцатью сигаретами в свой янтарный мундштук для сигарет. Сю с искренней скукой ждала пачек, предназначенных для ее «друга».

Именно Пэт Мэйси в конце концов сонно зевнула. «Уже полночь», --- сказал он. «Пора уходить, Сю».

«Да», --- согласилась она, направляясь к столу, где она положила свою шляпку. «Где эти коробки, Мод? Могу я их забрать?»

Она могла. Мод направила её наверх и обратила внимание на Дот.

«Ты тоже уходишь?» --- спросила она, заметив, что Дот встала со стула.

«Я должна. Мне надо было уйти еще час назад». В глазах Дот был испуганный взгляд. Ее брови были нервно сведены вместе.

«Чего ты боишься? Темноты?» --- засмеялась Мод.

«Я уверена, что мистера Коллинза можно уговорить отвезти тебя домой».

Сю снова появилась с коробкой для шляп и четырьмя плоскими продолговатыми коробками, связанными между собой. Она вручила их Пэт и, не задерживаясь, пожелала своей благодетельнице спокойной ночи. Краткое «До видения», --- и Сю уже спускалась по ступенькам к Александер-авеню.

Остальные последовали за ней.

«Слава Богу, что всё закончилось», --- сказала Сю. «Я ненавижу этот дом сильнее, чем яд».

«Он такой же, как и все остальные дома в этом ряду», --- сказала Дот.

«О, я имею в виду, что ненавижу Мод и Теда и их поступки».

Дот ничего не ответила. Ее взгляд бесцельно блуждал по коробкам, которые Пэт нес, сложив их перед лицом, словно комедиант из кино.

«Конечно, она дарит мне одежду, но, скажи, как же ей это нравится!

Я ей ничего не должна», --- заявила Сю. «Ты могла бы передать ей то, что я сказала, и она все равно продолжала бы отдавать мне свои отбросы. Иногда я готова убить ее, она такая чертовски покровительственная».

«Свысока!» --- внезапно воскликнул Эдди. «Вот это самое слово».

Никто не обратил на него внимания. Дот была поглощена тем, что говорила Сю. Открытая неприязнь к любому, кто когда-то был добр --- это было для Дот совершенно новым ощущением.

Эта мысль не давала ей покоя, пока Пэт и Сю не свернули к метро, и Эдди с ней остались наедине. Между ними не прозвучало ни слова. Они шли дальше, их каблуки звучали пусто и грустно по пустынным тротуарам. Они прошли мимо пекарни, и запах свежее испечённых буханок поднялся в воздух, стараясь заманить их в магазин, где яркий белый свет заливал столы с мраморными столешницами и усыпанные изюмом кофейные кружки.

«Хочешь кофе?» --- спросил Эдди.

«Нет, спасибо», --- твердо ответила Дот.

Они шли дальше, их шаги становились все медленнее, по мере того как они приближались к дому Дот.

«Ну?» --- подтолкнул Эдди, когда они остановились.

«Что значит „ну“?»

«Увидишься со мной ещё?»

«Это зависит от тебя».

«Нет, не зависит».

«Конечно, зависит».

«Я не собираюсь спорить в такое время. Мне нужно немного поспать. Позвони мне завтра. Я дала тебе номер в том китайском заведении, разве нет?»

«Да, у меня есть».

«Ну, тогда позвони. Я буду ждать тебя завтра».

Он взял её за руки и притянул её к себе. Она поцеловала его без вопросов и кокетства.

«Спокойной ночи, Кид, буду ждать твоего звонка».

Он начал отдаляться от неё, но её рука, схватившая его рукав, удержала его. Он обернулся и увидел, что её глаза наполнились слезами.

«Что, черт возьми...»

«О, Эдди, не думай, что я сошла с ума. Если ты разозлишься на меня, мне придётся всю ночь бродить одной. Я не пойду домой, Эдди, я не могу. Мне страшно подниматься наверх».

Он взял её за руку и повёл в коричнево-белый холл. Теперь она безудержно плакала и прижималась к нему.

«Я не собиралась тебе говорить, но мне пришлось...»

«В чём дело?»

«Я не могу подняться наверх. Уже полпервого, и мой брат убьет меня». Последние слова сопровождались мучительным рыданием.

«Не сумасшествуй», --- сказал Эдди, лицо которого внезапно потемнело.

«Твой брат тебя не убьет. Скажи ему, что ты была у подруги. Разве он не знает Мод? Он не будет кричать».

«О, он будет, он будет, Эдди. Однажды он избил меня просто ужасно только за то, что я поехала на Кони-Айленд и не вернулась домой до полуночи».

Эдди прищурился, и его руки скользнули в карманы. «Я пойду с тобой наверх», --- сказал он. «Пойдем».

«О, это будет вдвойне хуже. Он подумает, что я плохая девчонка, раз до такого часа с парнем».

«Надеюсь, он так и скажет», --- пробормотал Эдди сквозь зубы. «Пойдем».

«О, нет, Эдди. Ты бы ударил Джима, а он бы меня выгнал».

«Тогда ты пойдешь со мной».

«С тобой? Куда?»

«Куда я иду, дурачок. Пойдем, каждая минута делает тебя еще больше опоздавшей». Эдди поднялся по мраморной лестнице. Он не терпелось поскорее покончить с этим. Дот схватила его за руку и оттащила назад.

«Я не хочу портить отношения с Джимом. Я ему нравлюсь по-своему. Ты его ударишь, и независимо от того, избьет он тебя до полусмерти или ты его побьешь, он меня все равно выгонит».

«Ну, я же сказал, что ты можешь пойти со мной». Глаза Эдди выглянули из узкой щели, которую он им оставил, и встретились с глазами Дот. На мгновение он удержал её взгляд; потом она отвела глаза.

«Еще и мой отец», --- невнятно пробормотала она.

«Ладно. Я не буду ссориться с твоим любимым братом. Я объясню, как киногерой, что нас задержали, и надеюсь, он простит меня за то, что я задержал тебя так поздно, и за всю эту чепуху».

«О, нет, Эдди, если он тебя увидит, он меня убьет ---» «За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я позволю кому-либо в мире причинить вред тебе или любой другой даме, с которой мне пришлось оказаться рядом? Сначала я буду вести себя мило, а если он попытается ударить --- Господи Иисусе, я его разорву на куски».

«Тогда он меня выгонит».

Она прислонилась к стене и отдалась серии сухих, мучительных рыданий.

«Ну, и что ты собираешься делать?» --- спросил Эдди, резко. «Останешься здесь внизу и будешь плакать всю ночь или примешь последствия? Да ну, не будь душой».

«Нет, Эдди, я не могу пойти с тобой наверх, и я не могу пойти одна».

«А что ещё можно сделать?»

«Пойдёшь со мной к Эдне Дриггс? Я разбужу её, и она придёт».

«А чем она поможет? Если твой брат начнёт тебя бить, она ничем не сможет помочь».

«Но он не станет бить, если Эдна будет рядом. Он делает то, что она говорит».

Эдди вздохнул с отвращением. Он ходил туда-сюда по загрязнённому прихожей, время от времени бросая на Дот взгляд, выражающий полное непонимание. Ему хотелось подняться по лестнице. Ему хотелось увидеть брата Дот, и он хотел, чтобы брат Дот сказал, что Дот --- плохая девушка.

Вместо этого он последовал за ней на улицу и пошел в неодобрительном молчании к дому Эдны Дриггс. Это было приземистое здание из серого камня, в котором жили восемь семей. Эдна жила на первом этаже и сразу же ответила на звонок. Она была полностью одета и не проявила той огромной тревоги, которую Эдди ожидал увидеть у неё.

Она просто сказала: «Привет, дети, в чём дело?»

Дот перестала плакать. Эдди знал, что именно доверие, которое она испытывала к Эдне, успокоило её. Дот смогла кратко изложить ситуацию; поэтому он не внёс ни одного слова в этот рассказ.

«Конечно», --- ответила Эдна на просьбу Дот. Она взяла накидку и вместе с ними вернулась к Дот.

«Ты была со мной с половины десятого, Дот», --- заметила Эдна, пока они шли. «У меня были боли, похожие на птомайн, и ты не осмелилась оставить меня, но сейчас я чувствую себя хорошо. Слава Богу, у нас нет телефонов», --- добавила она.

Больше никто не произносил ни слова, пока они не добрались до места назначения.

«Тебе лучше пойти, Эдди», --- посоветовала Эдна. «Джим снова отвезет меня домой. С Дот теперь всё будет в порядке».

«О, да, Эдди», --- заверила его Дот. «Со мной теперь всё будет в порядке».

Эдди пробурчал «спокойной ночи». Дот и её защитник прошли через большие стеклянные двери, а он остался на тротуаре, наблюдая, как они поднимаются по первому пролёту лестницы. Дот теперь была готова встретиться лицом к лицу со своим разгневанным братом. Она не доверяла ему настолько, чтобы он пошел с ней. Ей нужна была Эдна Дриггс. Он про себя презрительно пробормотал это имя. Эдна купила бы безопасность Дот ложью и улыбками. Эдди бы убедил бы его в обратном. Его руки сжались в белые, бескровные кулаки. В ярости он повернулся в сторону Уиллис-авеню. Чёрт возьми Эдну Дриггс за то, что она жива. Трамвай проехал через мост и двигался на запад, когда Эдди вдруг вспомнил, что ему все-таки следовало кричать на Хейли за тот раз --- когда Дот поехала на Кони-Айленд.

ГЛАВА V

Гарлем лежал чёрный и блестящий под октябрьским дождём. Трамваи со скрипом ползли по Сто Двадцать Пятой улице, а огни кинотеатра «Проктора» и «Гарлем Гранд» отражались в лужах тусклым жёлтым светом. Жители Гарлема пряча лица под зонтами, спешили по улице, толкались, хмурились и торопились в кино.

Дот стояла у витрины кондитерской Лофта, поджидая Эдди. Старая фетровая шляпа была низко надвинута на глаза, воротник пальто плотно застёгнут у горла. Туфли отяжелели от воды, а дешёвые шёлковые чулки липли к подъёму ступни. Зонт Дот был закрыт — он был бесполезен: дождь бил как раз с той стороны, куда ей нужно было смотреть. Почему Эдди опаздывал? Она заглянула в кондитерскую. Даже с плиточным полом, исчерченным следами бесчисленных мокрых галош, там было уютно. Она зашла и попросила ананасовый десерт из мороженого — сандей. К тому времени, как она его доест, Эдди наверняка появится. Она стояла у прилавка с маленькой горкой мороженого и кусочками ананаса. От столиков улицы не было видно, а видеть улицу ей было нужно. Может, Эдди придёт, не найдёт её и снова уйдёт. Господи, вот это было бы ужасно.

Сандей исчез, и Дот снова заняла свой пост под красной электрической вывеской с росчерком мистера Лофта. Она могла бы остаться в кондитерской, но в ожидании человек становится таким беспокойным. Есть какое-то мучительное утешение в том, чтобы вглядываться в каждую новую фигуру, доверять и надеяться, пока незнакомец не подойдёт достаточно близко, чтобы разбить все надежды. Разочарования — и мужество, что вспыхивает заново после каждой обманутой ожидания.

Один тёмный силуэт в квартале от неё, тонкий и стройный, как Эдди, заставил сердце Дот радостно забиться. Она уже придумала слова, знала точно, как его встретит. «Ты, случайно, не опоздал?» — скажет она. Но это был не Эдди. Тошнотворный холодок пробежал по Дот, когда силуэт превратился в хорошо одетого незнакомца. «Привет, красотка», — бросил он ей на ходу.

Тошнотворный холодок не проходил. Теперь её мучило тяжёлое подозрение, что Эдди не придёт. Опоздал на полчаса! Такого с ним раньше не бывало. По меньшей мере тридцать раз они встречались на этом углу, и Эдди всегда был точен. Дождь шёл и в другие разы. Не погода его задерживала. Дот кусала нижнюю губу, пока та не заболела и не начала кровоточить. Ну где же Эдди? В её взгляде, неотрывно направленном на восток, была настоящая мука. Ещё одна фигура. Может быть, это Эдди, убеждала она себя. Но когда мужчина, которого она никогда прежде не видела, прошёл под ярким фонарём, Дот не испытала разочарования — она поняла, что с самого начала знала: это не Эдди. Глупо было себя обманывать.

Что ж, она больше не будет ждать. Он не придёт. Она знала, что ей делать: пойти к нему домой и узнать, что его задержало. Она не могла лечь спать, не зная. Может быть, он заболел — Дот поспешно оборвала эту мысль. Она собиралась высказать ему всё, что о нём думает, вот что она сделает. Как парень может так поступать? Заставлять её стоять под дождём, как последнюю дурочку. Она бы и для Папы Римского такого не сделала. Откуда он вообще взял такую манеру?

Она знала его дом, хотя никогда там не бывала. Мэдисон-авеню. Неизбежный бурый каменный дом, которому и не нужна была табличка «Сдаётся» в окне, чтобы его узнать. По обе стороны похожие дома выставляли похожие объявления.

Девушка в ярко-синем дождевике взбежала по ступеням, насвистывая, достала из кармана ключ и отперла дверь. Дот поблагодарила её и тоже проскользнула в дом. Яркосиний дождевик исчез в полумраке наверху застеленной зелёной дорожкой лестницы. Дот огляделась:

вешалка, на которой уныло обвисла забытая чья-то шаль; пыльные раздвижные двери, за которыми наверняка скрывалась неизбежная семейная пара в неизбежной «парадной гостиной».

Из-за двери в конце коридора доносились голоса. Один голос, женский, был визгливым и резким. Дот содрогнулась при мысли о том, чтобы заглянуть этому голосу прямо в глаза и спросить мистера Коллинза. И всё же ей нужно было узнать, почему он не пришёл. Может быть, удастся найти ту девушку в синем дождевике, что насвистывала. Дот поднялась по лестнице и огляделась. Пять дверей. Все закрыты. Ни звука. Дот поднялась ещё на один пролёт. На этом этаже было уже шесть закрытых дверей — положение только запутывалось. Она прислонилась к перилам, соображая, что делать. И тут вдруг зазвучала музыка. Радиоприёмник резко ожил, начав, как назло, с последних шести тактов модной песенки.

На мгновение Дот опешила. Потом улыбнулась. Радио. Вероятно, тоже Эддино. Она пыталась угадать, из какой комнаты доносится музыка, когда та оборвалась так же внезапно, как началась. Через секунду заиграла снова, громко, но не так чисто, как прежде — теперь звук был неприятно искажён. Снова тишина. Потом, спустя какое-то время, музыка зазвучала опять, громко и совершенно чисто, но лишь на мгновение-другое; а затем в наступившей тишине Дот услышала, что кто-то расхаживает по комнате. Самая дальняя от неё дверь распахнулась, и Эдди вылетел оттуда, как вихрь. Он был уже на середине лестницы, когда она успела его окликнуть.

«Эдди».

«Ох, чёрт, Дот», — сказал он и снова поднялся по ступеням.

«Я за тебя волновалась», — сказала она. «Я думала, может... Но всё-таки, у тебя хватает наглости заставлять меня стоять под дождём, пока ты возишься со своим приёмником».

«Меня подставили, Дот; в последнюю минуту босс попросил меня его починить. Я принёс его домой — здесь мне удобнее работать. Я думал, ты поймёшь, что я приду. Думал, ты посидишь у Лофта, пока я не появлюсь».

«Ну, я не могла. Откуда мне было знать, что ты придёшь?»

«Ну и ну, я ведь никогда тебя не подводил, разве нет? Ты же сама сейчас видела, как я нёсся сюда сломя голову, разве нет?»

«Ага», — нехотя признала Дот.

«Ух, этот приёмник оказалось раз плюнуть починить, — Эдди улыбнулся, вспоминая, — как только я понял, в чём дело». Он на мгновение замолчал, думая о конденсаторах и утечках в сетке. Дот угрюмо наблюдала за ним. Ему явно нравилось возиться с приёмником. Его ничуть не заботило, что эти полчаса он мог провести с ней. «Хочешь взглянуть?» — весело спросил он.

Дот пошла за ним в его комнату. Она знала, что «прилично воспитанной» девушке не полагается заходить в комнату к мужчине, но Эдди так воодушевился своим мастерством, что возражать значило бы слишком высоко оценивать собственные чары. Она почти слышала, как он говорит: «Не бойся, детка, я так увлечён этим приёмником, что ты для меня сейчас вообще ничего не значишь!»

Он закрыл дверь и включил свет. Дот огляделась и составила впечатление о крошечной комнате: узкая белая кровать, комод и радиодетали, разбросавшие свои диски, катушки и пластины по каждой ровной поверхности. Подоконник, верх комода, шаткий стул, пол и стол у окна — всё было завалено радиооборудованием. Уцелела только кровать, и Дот догадалась, что причина в том, что Эдди не хотел лишний раз тревожить свои сокровища перестановкой.

Починенный приёмник стоял на столе, на месте, наспех расчищенном для него. Пол, где валялась опрокинутая пепельница и множество странных чертежей с непонятными значками, свидетельствовал о том, с какой быстротой и ловкостью Эдди подготовил для приёмника посадочную площадку.

«Ну разве не красавец?» — спросил Эдди.

«Ещё какой», — вяло согласилась Дот.

«Супергетеродин», — объявил Эдди.

«Да ну?»

«Ловит всё — от KGO до 2LO».

«Да брось».

«Точно. Хочешь глянуть внутрь?»

Дот послушно заглянула внутрь. На неё уставилась куча ламп и непонятная мешанина металла и проводов, уютно устроившаяся там, явно уверенная, что ею будут восхищаться.

«Красота, а?»

«Ещё какая». Дот зевнула.

«Видишь, что я тут сделал?» — спросил Эдди.

Тут терпение Дот лопнуло. «Да откуда мне знать, что ты там сделал? — спросила она. — Ради бога, я тебе не Маркони и не Эдисон, и вообще не тот, кто изобрёл радио. Я стою как последняя дура под дождём, жду тебя, пока тыловишь всё от KGO до 2LO, а потом у тебя ещё хватает наглости заставлять меня разглядывать эту чёртову штуковину».

Эдди отошёл от приёмника и достал сигарету.

«Ладно, Дот, моя ошибка. Понимаешь, это моя работа. Я думал, тебе будет интересно».

«Мне интересно, Эдди, только я в этом сама не разбираюсь. Мне надо, чтобы объяснили. Пойдём в кино, Эдди. Господи, не хочу, чтобы ты на меня дулся».

«Да не дуюсь я на тебя. Ты права. Я болван».

Он подошёл к окну и с минуту смотрел в пустоту, прежде чем произнести низким, раздражённым голосом: «Смотри».

Дот посмотрела. Дождь бил тонкими серыми полосами по стеклу, разбрызгиваясь бесцветными волнистыми струйками, что тянулись уныло секунду-другую, прежде чем слиться с другими такими же струйками и мокро сгинуть в никуда. Дот молча наблюдала за этим представлением.

«Льёт как из ведра, — сказал Эдди. — Не можешь подождать, пока стихнет?»

«Давай подождём внизу, а, Эдди? Мне тут как-то не по себе. Вдруг твоя хозяйка меня застанет? Подумает ещё, что я какая-то не такая».

«Не застанет, — сказал Эдди. — Здесь никто ничего такого не ждёт. Это тебе не гостиница за двенадцать долларов в сутки».

Дот нервно рассмеялась. Ей не хотелось снова шлёпать по улицам. И мысль о кино с запахом тысячи промокших пальто её тоже не радовала. Но оставаться здесь наедине с Эдди было опасно. Она это знала. Часто, когда они стояли в её подъезде, тесно прижавшись друг к другу, она бывала рада, что время от времени кто-то проходил через холл и заставлял их виновато отпрянуть друг от друга. Здесь не будет спасительных помех. Здесь будут только Эдди и она — только Эдди и она. От сознания того, что они совсем одни, по ней пробежала радостная дрожь. Верное доказательство опасности.

«Давай подождём внизу, Эдди».

«Да брось. Ты что, спятила? Дождь может идти ещё час. Кто будет сидеть на ступеньках в этом грязном холле, если можно остаться здесь, где есть пепельницы и всё такое?» — спросил Эдди, привычным движением каблука вдавливая сигарету в ковёр.

«Ну пойдём, Эдди».

«Нет, ты правда спятила. Снимай пальто и жди здесь».

«Господи, Эдди, ты вредный».

Дот подошла к комоду и хмуро уставилась в зеркальце Эдди для бритья. От тщательного макияжа, наведённого перед тем, как идти к углу у Лофта, не осталось и следа. Она степенно достала пудреницу и подправила нос и подбородок. Потом помаду, потом сердито поправила локон, забившийся под мокрую фетровую шляпу.

«Спустишься вниз?» — холодно спросила она.

«Нет, какой в этом смысл?»

«Тогда я иду домой», — сказала Дот.

Эдди сделал шаг к ней и вопросительно на неё посмотрел. Он был искренне озадачен тем, какое огромное значение Дот придавала тому, чтобы спуститься вниз. Опасной ситуацией для Эдди был оттопыренный задний карман или отрезок свинцовой трубы. Всё остальное было просто предлогом для бабской ссоры. А ссориться сейчас Эдди не хотелось.

«Да брось, побудь ещё немного, Дот. Смотри, — сказал он с внезапным вдохновением, — подожди тут пятнадцать минут, и если дождь не кончится, я сделаю всё, что скажешь, а если кончится — пойдём танцевать или ещё куда. Как тебе?»

Дот замешкалась, и он тут же добавил: «Сними пальто и шляпу, выкури со мной сигарету. Тебе полегчает».

«Ну ладно, только пятнадцать минут», — сдалась Дот.

Она сняла пальто и положила его на железную спинку кровати. Шляпу пристроила на вешалке для одежды у Эдди, и он, увидев её там, улыбнулся. Выглядит чертовски смешно, сказал он ей. Платье Дот, синий атлас с ярдами и ярдами блестящей тесьмы, было новым, но он этого не заметил. Дот и не ждала, что заметит. Она бы вам сказала, что мужчины никогда не замечают одежду.

«Мне сегодня в конторе звонила Сью Кьюдэхи, — сказала она. — У Пэта новая работа. Он теперь в магазине на Вашингтон-Хайтс. Они зовут нас в субботу вечером в танцевальный зал «Поппиленд». Она сказала, будет лучше, чем в прошлый раз. Там теперь новый оркестр. Я сказала, что спрошу у тебя».

«Мне без разницы», — сказал Эдди.

Он сел на кровать, а Дот беспокойно ходила по комнате, останавливаясь то у зеркала, то у окна, чтобы бросить пренебрежительное замечание — то о своём отражении, то о погоде.

«Иди сюда», — вдруг сказал Эдди.

«Зачем?»

«Иди сюда».

Дот подошла к нему, ей удалось при этом выглядеть так, будто она понятия не имеет, чего он может хотеть. Он притянул её к себе на колени и поцеловал. Дот засмеялась и вскочила на ноги.

«Ах вот что тебе было нужно! Господи, а я думала, у тебя что-то важное сказать. Знай я заранее, ни за что бы не пришла».

«Правда не пришла бы?»

«Само собой». Но она всё ещё смеялась.

«Хорош поцелуй, нечего сказать, ты всё пыталась вырваться, да ещё и первый за весь вечер», — пожаловался он. «Давай ещё раз».

Дот покачала головой.

«Ну хоть сядь, — сказал Эдди. — А то ты меня с ума сводишь, бегаешь тут, как дикий зверь».

Она подошла и села рядом, прекрасно понимая, что он снова её поцелует. Она куда лучше самого Эдди знала, что сегодня вечером с ним будет непросто справиться. Никаких коварных планов или расчётов у него в мыслях не было. Не было их и тогда, когда он уговаривал её остаться.

Его рука обняла её, и с минуту в тишине они так и сидели, прижавшись друг к другу. Эдди бессмысленно смотрел на стену. Дот старательно расправляла тесьму на платье. Ни один из них не понял, как случился следующий поцелуй. Может быть, Дот сама вдруг подняла губы навстречу, а может, Эдди наклонился к ней. Поцелуй вышел долгим. Закончился он тем, что обе его руки обнимали её, а Дот всей тяжестью навалилась на него.

«Жарко тут стало», — заметил он, когда они отстранились друг от друга.

Дот хихикнула. Эдди всегда так говорил после первого долгого поцелуя, и Дот всегда хихикала в ответ.

«А где та сигарета, что ты так безрассудно мне предлагал?» — спросила она.

«Ах да, забыл». Эдди достал пачку «Лаки Страйк», и Дот взяла сигарету. Эдди смотрел, как она её закуривает.

«Ты же подавишься», — сказал он.

Она мучительно чувствовала, что он продолжает наблюдать за ней, пока она храбро пытается вдохнуть дым. Господи, ну как же это делала Мод?

«Ну-ка, перестань мучить сигарету». Эдди вдавливал искры в ковёр каблуком, а возражения Дот мало что значили.

«Ты не умеешь курить, и учиться особого смысла нет, но кое-что даётся само собой». Он улыбнулся ей и поцеловал в губы.

Руки Дот, такие юные и так жалко нетерпеливые, несмотря на то, что она в глубине души понимала, чем может обернуться этот вечер, жадно обвилились вокруг его шеи. Его губы были тёплыми у её губ. Ближе его лицо быть уже не могло, и всё же у неё было ощущение, что он приближается, приближается всё ближе. Только когда поцелуй закончился, она обнаружила, что он мягко склонил её голову на подушку. Она знала, что должна сесть и одёрнуть новое синее платье со всей его тесьмой, натянуть его на голые колени. Она знала, что должна. Она знала, что должна.

Ещё один поцелуй, жаркий и безрассудный, заставил её дыхание участиться. Она видела глаза Эдди, синие и сузившиеся, совсем близко от неё, и жилку на его виске, судорожно пульсирующую. Он закрыл глаза. Чтобы не видеть её? Пытался ли он взять себя в руки? Эта мысль исчезла, когда Эдди вытянулся рядом с ней.

«Эдди, нам нужно встать».

«Зачем?»

Да, зачем? Ну, потому что такие вещи случаются, случались и с другими девушками. Она попыталась приподняться, но он удержал её одной на удивление сильной рукой.

«Эдди, я не могу здесь оставаться. Может, ты не знаешь или не веришь, что я хорошая девушка».

«Кто сказал, что нет?»

«Ты ведёшь себя так, будто не думаешь, что я хорошая. Заставляешь меня тут лежать».

Он быстро убрал руку. «Ладно, детка, — сказал он. — Прости. Я думал, ты понимаешь, что со мной ты всегда будешь в такой безопасности, в какой захочешь».

«Ох, Эдди, я не думала, что ты... что ты меня заставишь на что-то».

Он продолжал смотреть обиженно, и она поцеловала его, наклонившись над ним и проводя рукой по его волосам. Снова и снова она целовала его, пока его руки опять не обвилились вокруг неё, и она не оказалась лежащей, прижавшись к нему грудью, слегка вздымавшейся над квадратным вырезом атласного платья.

«Эдди, я так тебя люблю».

Это было едва слышное дыхание, но он услышал, и его объятие стало крепче. Он знал, что она хочет от него услышать. Ему следовало это сказать, но, чёрт возьми, он не мог. Скажи он эти слова — и они прозвучали бы фальшиво, лживо, театрально, изменив собственной искренности. Его смущала их неуместность. Она ждала, а он молчал.

«Ах, я так тебя люблю». Дот откинулась на подушку и отвернула лицо.

Эдди лежал с закрытыми глазами, прижав ладонь ко лбу.

В наступившей тишине долгие мокрые пальцы дождя уныло и настойчиво постукивали в окно. Ни один из них этого не слышал. Дот повернулась и посмотрела на Эдди. Её рука потянулась к его руке и скользнула под манжету, тепло прижавшись к его пульсу.

«Мне нужно тебя трогать, раз уж ты вот так лежишь», — сказала она.

Он улыбнулся и притянул её к себе. Их губы слились. Дот почувствовала его руку у себя на колене. Это было неприлично. Она не могла остановить его, не оттолкнув при этом поцелуй, а поцелуй был очень сладким. Она подумала: если чулки не закатаны, разве это было бы так ужасно? Она не пыталась его остановить и почти сразу поняла, что это была ошибка. На этой стадии игры молчание, очевидно, было поощрением.

«Эдди, не надо. Не смей».

Она чувствовала, что в её голосе нет и тени убеждённости. И, судя по всему, его действительно не было.

«Дот!»

«Что? Что случилось, Эдди?»

«Ничего. Просто... господи, неужели тебя это совсем не трогает?»

«Ты о чём?»

«Разве ты не чувствуешь, что нам... что должно быть больше?»

«Эдди!»

«Ах, я знаю, не стоило мне этого говорить, но, боже, Дот, я весь измучен. Понимаешь, я не привык останавливаться. Ты понимаешь, о чём я?»

«Да, понимаю».

«Ну, похоже, тебе от всего этого нужен только поцелуй-другой. Тебя не расстроит, если мы остановимся после жарких ласк».

«Да ну?» — неожиданно спросила Дот.

«А тебя? Ты чувствуешь, что должно быть больше?»

Он внезапно сел на краю кровати и посмотрел на неё сверху вниз с надеждой и недоверием на лице одновременно. Она ничего не сказала. Она думала о том, каково это — быть плохой девчонкой. Люди, наверное, узнают. Эдди может проболтаться. Тогда ей придётся уехать туда, где её никто не знает.

«Дот, ответь мне».

Она сказала то, что было у неё на уме. «Я стану плохой девчонкой».

«Нет, не станешь. Это совсем другое дело. Ты ведь никому другому не позволишь себя тронуть, правда?»

«Не знаю, — сказала она после минутного колебания. — Я никогда не думала, что позволю тебе зайти до конца».

Прошло время, прежде чем весь смысл её слов дошёл до него. Когда это случилось, он посмотрел ей в лицо и увидел, что её глаза уже ждали встретить его взгляд. «Ты хочешь сказать, что позволишь мне?»

«Наверное, да, Эдди». Пауза. «Да, я тебе позволю».

«Сейчас?»

«Если хочешь».

«Если хочу? Господи, детка, ты говоришь безумные вещи».

Девушка в ярко-синем дождевике первой во всём доме заметила, что дождь перестал. Она бросилась вниз по лестнице, лихорадочно спеша выбраться из своей маленькой пыльной комнатки, которую называла домом.

«Дождь кончился!» — крикнула она подруге, что жила на первом этаже, у парадного.

«Через минуту опять зарядит», — мрачно отозвались снизу.

«Не глупи», — сказала девушка в ярко-синем дождевике. Она прошла по коридору, весело напевая: «Дождя больше не будет, не будет. Дождя больше не будет. Как вообще может...»

Входная дверь закрылась с твёрдым, увесистым звуком, оборвав дальнейшее повторение прогноза погоды от Уэнделла Холла.

Наверху Эдди и Дот смотрели друг на друга, и на их губах дрожали робкие улыбки.

«Помнишь...» — начала Дот.
«Да», — сказал Эдди.

ГЛАВА VI

В бело-коричневом вестибюле она прижалась к нему, и он понял, что она плачет.

«Господи, Дот, не надо. Что случилось? Из-за тебя я чувствую себя последней сволочью. Это моя вина. Не надо было тебя уговаривать. Ну же, тебе надо подняться наверх, детка. Прекрати и попудри нос».

Он молча обнял её. В эту минуту ей нужен был умудрённый любовник, который скажет ей не обращать внимания на толпу, разве что пожалеть её. Ей нужна была уверенность, ясность.

Эдди не мог говорить, потому что теперь, в трезвом холодном свете произошедшего, он тоже видел в Дот бедное обманутое создание, чья безрассудная капитуляция омрачит каждый час её будущей жизни.

«Жаль, что все считают это неправильным», — очень тихо сказала Дот.

«Наверное, многие об этом жалели». Он тяжело вздохнул.

«А как думаешь, — спросила Дот, — есть где-нибудь хорошие люди, которые считали бы, что это нормально?»

«Может, во Франции», — неуверенно ответил Эдди. «Даже утончённая публика там, говорят, довольно распушенная».

«Господи, Эдди, мне будет ужасно стыдно на работе. Спорим, девчонки сразу поймут, что я стала плохой».

«Плохой стала? Ну ты и скажешь, Дот».

Дот принялась искать пудреницу. Слезы оставили тонкие дрожащие следы на румянах, а влага собрала ресницы в четыре тёмных пучка над каждым глазом. Эдди тревожно наблюдал за ней. Её брат наверняка поймёт, что она плакала. Он молча смотрел, как Дот равнодушно провела крошечной вишнёвой пуховкой по щекам и небрежно тронула губы помадой. Пудра не выручила её в трудную минуту. Слезы, видимо, никудышная основа под пудру.

«Я нормально выгляжу?» — спросила она.

Окажись Эдди на высоте положения и весело подтверди её опасения, она, может, и не сорвалась бы снова в слёзы, но он не мог отправить её наверх к брату с этими жалкими розовыми кругами под глазами.

«Ох, Эдди, Эдди, я этого не вынесу. Он всё поймёт по мне. Он поймёт, что я сделала, и убьёт меня».

«Чёрта с два. Пошли, детка, на этот раз я провожу тебя до самого дома».

«Нет». Она горестно покачала головой. «Мы это уже проходили раньше, Эдди, и потом, если ты будешь там и он обвинит меня в том, что я никчёмная, что мы ему ответим?»

Эдди пнул ногу одного из кресел-пенсионеров.

«Можно сказать, что мы собираемся пожениться», — ответил он.

«Какой в этом толк? Он же узнает, что мы не поженемся, когда мы этого не сделаем».

Эдди метнул на неё взгляд из-под полей шляпы. «Я имею в виду, что мы правда поженемся. Разве ты меня не хочешь, Дот? Ты бы за меня не пошла?»

«Ой, да, Эдди, я бы с радостью. Ты бы никогда не пожалел, ничуть. Но я не думала, что ты имеешь в виду настоящую свадьбу. Я не думала, что я тебе нужна».

«Час назад ты мне была нужна, разве нет?»

Она быстро ответила: «Это совсем другое дело. Ты и других девушек так хотел».

«Ну да, ты права, детка. Мне нечем крыть, и объяснить я не могу. Я слишком тупой для этого. Но тут по-другому».

«Но ведь можно сказать им, что я выхожу замуж?»

«Конечно. Хочешь, я пойду с тобой?»

«Нет. Мне теперь не страшно». В её голосе появилась новая нотка. Она снова стала почти той девчонкой, что играла на укулеле на палубе «*Бурмы*». «Я сейчас же поднимусь. Господи, Эдди, теперь уже всё равно, что будет. Когда мы поженимся?»

«Утром. Пойдём в мэрию и распишемся. Возьму отгул. Чёрт, Дот, я тоже счастлив. Никогда не думал, что ты...» — конец фразы потонул, когда она бросилась ему на шею и поцеловала его. Она быстро взбежала по лестнице и со смехом посмотрела на него сверху с первой площадки. Она забыла, что была плохой девчонкой. Эдди всё уладил.

«Спокойной ночи, детка».

«Спокойной ночи, Эдди... милый».

Дот застала дома Эдну Дриггс. Та вешала занавески — вернее, так это можно было бы назвать. На самом деле она стояла в шести футах от занавесок и командовала Джиму подтянуть немного слева. Мистер Хейли читал третий выпуск захватывающего романа с продолжением.

«Привет, дочка, — сказал он. — Ноги не промокли? Лучше сразу переоденься».

«Ой, всё в порядке». Дот легко отмахнулась от его заботы. Она махнула Эдне, проходя через гостиную, чтобы убрать шляпу и пальто. С Джимом они не обменялись даже приветствием.

Дот немного задержалась у себя в комнате, с любопытством разглядывая себя в зеркале. Глаза сияли необычным блеском, и Дот призналась себе, что любой, кто взглянет на неё, поймёт: она хранит тайну, которая внезапно стала очень радостной тайной. Она энергично расчесала волосы. Она чувствовала себя невероятно живой. Ей хотелось пойти на долгую прогулку или заняться ещё чем-нибудь энергичным. Ей не терпелось услышать, что скажет Джим.

С волосами, весело пляшущими вокруг лица, она вернулась в гостиную. Джим уже слез со стула и задумчиво разглядывал занавески.

«Какого чёрта тебя никогда нет рядом, чтобы помочь?» — спросил он Дот.

«От неё больше помехи, чем помощи», — быстро отозвалась Эдна. Дот улыбнулась ей. Славная старушка Эдна.

«У меня для тебя новость», — сказала Дот Джиму.

«Валяй», — сказал он.

«И для тебя тоже, папа, — сказала Дот. — Отложи книжку».

Мистер Хейли покорно отложил журнал. Дети временами бывают тяжким испытанием. Эдна ждала и уже начала догадываться. Она предугадала объявление Дот.

«Я выхожу замуж».

Джим холодно посмотрел на неё. «Вот так ты нам об этом сообщаем? — спросил он. — Я думал, девушки сначала приводят своих кавалеров, чтобы показать семье».

Теперь у Дот была поддержка. Резко ответить Джиму оказалось нетрудно. «Наверное, да, — сказала она, — в тех семьях, где с девушками не обращаются, как с заключёнными, собственные братья».

Джим подошёл к ней. «Слушай сюда, — сказал он. — Может, ты не знаешь, но я был тебе чертовски хорошим братом».

«В чём-то», — сказала Дот.

«Во всём. Я терпел от тебя чёрт знает что. Многие парни, которые практически содержат сестру, вышвырнули бы её из дома, если б она заявила домой в полночь с Кони-Айленда после шатания неизвестно с кем. Полагаю, ты забыла тот случай».

«Нет, — сказала Дот. — Не забыла». Она задумчиво, вспоминая, тронула пальцами щеку.

«Да, я знаю, что ударил тебя, — сказал Джим. — Для твоего же блага».

«Спасибо», — сказала Дот.

«Я содержу этот дом, я был тебе за отца и мать, потому что мама умерла, а старик нездоров. У тебя хватает наглости говорить, что я был хорошим братом только в чём-то, и тут же спокойно заявлять, что выходишь замуж».

«А чем ты недоволен? — спросила Дот. — Ты ведь его даже не знаешь».

«Вот именно поэтому. Небось, какой-то тип, которого ты подцепила на углу улицы».

Дот покраснела. Она взглядом искала помощи у Эдны, но та странным образом превратилась в зрителя. Впервые она не была частью происходящего у Хейли.

«Вот что я тебе скажу, — сказал Джим. — Приведи своего парня сюда. Пусть познакомится с семьёй, как поступил бы порядочный человек. Через полгода или около того, когда я его узнаю получше, если решу, что он ничего, можешь выходить за него».

«Через полгода!» — ахнула Дот.

«Да, через полгода. Куда спешить-то?» Джим подозрительно прищурился на неё. «Торопишься, значит? Так я и думал».

«Ты о чём?» — глаза Дот теперь блестели ярче, а щёки покраснели и горели.

«Ты прекрасно понимаешь, о чём. Спорим, тебе приходится за него выходить. Небось, надо было выйти за него ещё месяцы назад, дрянь ты этакая».

«Джим, прошу тебя». Дот устала на ковёр, а после паузы добавила: «Ты не знаешь, что я сделала что-то плохое».

«Не знаю? Слушай, я не вчера родился. Ты не из тех сильных, решительных девчонок. Ты бы со мной не спорила. Ты бы сдалась и подождала полгода, лишь бы не ссориться, если б тебя не заставляли спешно выходить замуж. Полгода — не срок для девушки, которой нечего бояться».

«Джим, ты подлец».

«Ну да. Так докажи, что это не так. Пусть парень приходит и поухаживает немного. Если он мне понравится — выходи за него. А если скажешь, что не станешь так делать, я буду знать, что дело в том, что тебе приходится за него выходить, что ты вляпалась».

Мистер Хейли на минуту прервал свой измученный вид, чтобы выразить неодобрение. «Джим», — укоризненно произнёс он.

Джим не слышал отца. Он продолжал наступать, глядя сверху вниз в маленькое лихорадочное лицо Дот. «А если заставишь меня поверить, что ты пошла к этому парню без венчания, тогда, чёрт возьми, я не желаю видеть тебя в этом доме!»

Дот вздрогнула. «Ты жестокий, Джим, — сказала она. — Может, я слишком его люблю, чтобы ждать».

«Знаю я эти отговорки. Ну так что, пусть он придёт сюда и даст мне время к нему присмотреться?»

Дот покачала головой.

«Тогда всё так, как я и думал, — сказал Джим. — Сделаешь мне большое одолжение, если уберёшься отсюда к чёрту».

«Джим, куда мне идти?»

«Иди к своему ненаглядному. Его постель, наверное, на двоих найдётся».

Дот не двинулась с места. Она не могла поверить, что Джим выгоняет её из дома.

«Чего ты ждёшь?» — спросил он.

Она решительно повернулась к своей комнате. Можно было собрать вещи и молиться, чтобы за это время Эдна подала голос.

«Куда это ты?» — рявкнул Джим.

«Собирать вещи», — слабо сказала Дот.

«Собирать вещи, вот как? Ты не тронешь ничего в этой комнате, слышишь меня? Я заплатил за каждую чёртову тряпку, что у тебя есть. На то, что ты зарабатываешь, тебе бы хлеба с маслом не хватило, если б я не обращался с тобой куда лучше, чем ты заслуживаешь. Ты не тронешь эту одежду. Уйдёшь отсюда как есть, а если денег нет — до утра как-нибудь раздобудешь».

Дот подавила рыдание. Она повернулась к отцу и умоляюще заглянула ему в глаза.

«Ты слышала брата, — сказал мистер Хейли. — Если ты согрешила, Дороти, тебе придётся понести наказание».

«Конечно, она должна понести наказание, — сказала Эдна. — И понесёт, куда деваться. Я вообще удивлена. Такая была хорошая девушка. Теперь, когда она отрезала себя от брата, она, наверное, кончит на улице. Ведь ты об этом думал, Джим?»

«Да, — ответил Джим, — примерно об этом. И мне не будет её жаль, если так и выйдет».

«От тебя бы никто и не ждал жалости, Джим, — продолжила Эдна. — Но не позволяй ей потом говорить, что ты был скупердям. Отдай ей её вещи».

«Я за них заплатил», — возразил Джим.

«Да, но не будь мелочным. Пусть узнает, что другого мужчины, который обошёлся бы с ней так же благородно, как брат, у неё уже не будет. Отдай ей одежду».

Джим снова обратил внимание на занавески. «Забирай свои тряпки и поторапливайся, — бросил он Дот. — Чтоб духу твоего здесь через двадцать минут не было, и чтоб я тебя больше никогда не видел».

Дот собрала вещи. Два потрёпанных, тонких, как бумага, чемодана, которыми она пользовалась в отпусках, были извлечены из-под кровати и обтёрты от пыли. Платья, комбинации, чулки, шляпы, нижние юбки, свитера. Всё было мятой кучей запихано в чемоданы. Дот гадала, куда ей теперь идти. У неё был всего один доллар. Подумать только, что вот так закончится её жизнь с отцом и Джимом. И Эдна! На тему Эдны мыслей у неё не находилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.